

АНДРЕ СЕНТОРЕНС

СЕМНАДЦАТЬ

ЛЕТ

В СОВЕТСКИХ

ЛАГЕРЯХ

PAR ANDRÉE SENTAURENS

TÉMOIGNAGES

Андре Сенторенс

**Семнадцать лет в
советских лагерях**

«Издательство АСТ»

1963

УДК 821

ББК 84(4)+63.3(2)6-4

Сенторенс А.

Семнадцать лет в советских лагерях / А. Сенторенс —
«Издательство АСТ», 1963

ISBN 978-5-17-113780-9

Юная провинциалка Андре Сенторенс приезжает покорять Париж, где влюбляется в сотрудника советского посольства и выходит за него замуж. Приехав в Москву в 1930 году вместе с мужем и маленьким сыном, она познает на собственном опыте самые неприглядные стороны жизни «государства рабочих и крестьян»: тотальный дефицит, нищета, ложь государственной пропаганды, страх перед НКВД, массовые репрессии. Вскоре и ей самой будет суждено ходить по кругам гулаговского ада. Отсидев два срока в сталинских лагерях и вернувшись во Францию в 1956 году, Сенторенс опубликовала в Париже книгу воспоминаний «Dix-sept ans dans les camps soviétiques» («Семнадцать лет в советских лагерях»), однако она прошла незамеченной и сегодня является библиографической редкостью. Русское издание книги Андре Сенторенс, дополненное уникальными документами и фотографиями из российских и французских архивов и частных коллекций, – это попытка вернуть незаслуженно забытое имя и привлечь внимание читателей к судьбе незаурядной и мужественной женщины. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821

ББК 84(4)+63.3(2)6-4

ISBN 978-5-17-113780-9

© Сенторенс А., 1963

© Издательство АСТ, 1963

Содержание

Иностранцы в ГУЛАГе	8
1. Славянский шарм	10
2. В советском полпредстве	20
3. Москва	35
4. Странствия	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андре Сенторенс

Семнадцать лет в советских лагерях

Andrée Sentaurens

Dix-sept ans dans les camps soviétiques

* * *

Печатается с разрешения издательства Editions Gallimard
© Д. Белановский, перевод с французского, послесловие, 2021

Иностранцы в ГУЛАГе Книга Андре Сенторенс на русском языке

Воспоминания иностранцев, прошедших ГУЛАГ, в большинстве случаев публиковались в России спустя десятилетия после их написания.

Так, книга Густава Герлинг-Грудзиньского «Иной мир» о советском лагерном мире впервые вышла в России в 2011 году, спустя 60 лет после первой публикации на английском языке и более 30 лет после первой публикации на русском языке в лондонском издательстве.

Книга воспоминаний «лагерного врача» Ангелины Рор «Холодные звезды ГУЛАГа» была издана в России в 2006 году – через семнадцать лет после первой публикации в Австрии.

Книга Андре Сенторенс «Семнадцать лет в советских лагерях» также выходит в издательской программе Музея истории ГУЛАГа и Фонда Памяти через 58 лет после публикации в Париже в 1963 году в издательстве Gallimard. Долгие годы она хранилась в спецфондах библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и была недоступна для широкого читателя.

На Западе издания такого рода прошли волной в середине 1950-х годов, после смерти Сталина, следующая волна пришлась на конец 1980-х – начало 1990-х годов: вспышка интереса к литературе ГУЛАГа понятна, это годы «перестройки».

Поначалу в числе этих публикаций были воспоминания только иностранных коммунистов – тех, кто прибыл в 1920-е и 1930-е годы в Советский Союз, поддерживая молодое государство, строящее социализм, верящих в коммунистические идеалы и обвиненных по традиции в шпионаже во время Большого террора. Позже стали появляться и воспоминания переживших сталинские лагеря после Великой Отечественной войны.

В числе переведенных на русский язык – изданные уже в 2000-х годах книги Иштвана Эркена «Народ лагерей» о венгерских военнопленных, Шарля Митчи «Тамбов. Хроника плена. 1944–1945» о судьбе эльзасских французских военнопленных, насильственно призванных в немецкую армию, Юзефа Чапского «Старобельские рассказы. На бесчеловечной земле» о судьбе поляков, попавших в советский плен в 1939 году.

Но, наверное, сегодня самым запоминающимся иностранцем, пережившим ГУЛАГ, можно назвать Жака Росси и его книгу «Справочник по ГУЛАГу» 1991 года издания.

Судьба Андре Сенторенс отличается от судьбы других иностранных авторов, переживших ГУЛАГ. Она не была коммунисткой, была далека от политики, когда в двадцать лет впервые приехала в Россию. Ничего не предвещало того ада, который предстояло пережить: тюремное заключение и два срока в лагерях – Темлаге, Кулойлаге, Ягринлаге и Вятлаге.

Французское издание воспоминаний Андре Сенторенс неспроста попало на полку спецхрана. Острый и критический ум молодой свободолюбивой француженки позволил многое запомнить и подметить: страх, ложь, пропаганда и насилие бытовали не только за колючей проволокой в Советском государстве рабочих и крестьян.

Двадцать первую главу воспоминаний Андре назвала «Я снова свободна», а последнюю – «Конец кошмара». Андре после долгих лет лагерей и ссылок удалось вернуться на родину. А мы возвращаем читателю незаслуженно забытое имя мужественной женщины – Андре Сенторенс.

Российское издание книги воспоминаний Андре Сенторенс отличается от французского: мы дополнили его документами из архивов ЦА ФСБ и УФСБ по Архангельской области, редкими фотографиями из личных коллекций.

Книгу готовили к публикации более двух лет: помимо переводчика над ней работали научные и литературные редакторы, Центр Документации Музея истории ГУЛАГа, дизайнеры. Мы благодарим всех причастных к этому изданию.

Особую благодарность выражаем Василию Рудомино – за существенную поддержку архивных исследований и перевода книги, Дмитрию Белановскому – за самоотверженность в поисках личного архива Андре Сенторенс, дизайнерам – за стойкость и талант в создании книги, Музее современного искусства «Гараж» – за финансовую поддержку проекта и издательству АСТ – за партнерское участие.

Надеемся, что книга Андре Сенторенс откроет новую страницу в издательской программе Музея истории ГУЛАГа и Фонда Памяти – направление «Иностранцы в ГУЛАГе». Мы уже начали работать над переводами книг авторов-иностранцев, переживших сталинские лагеря, но еще не известных российскому читателю.

Устные свидетельства иностранцев в ГУЛАГе представлены в проекте «Мой ГУЛАГ»: mygulag.ru. Серия публикаций начинается с интервью немца Дитриха Шопена, выжившего в Озерлаге.

Роман Романов, директор Музея истории ГУЛАГа, руководитель Фонда Памяти

1. Славянский шарм

Я родилась в 1907 году на ферме недалеко от города Мон-де-Марсана. Мои родители были бедны. В нашей семье я была младшей из пятерых детей. Я полностью унаследовала характер своей старшей сестры Мари-Луизы, которая сейчас стоит и наблюдает из-за моего плеча за тем, как я пишу эти строки.

Наш отец умер, когда мне исполнилось пять лет, и матушка вела хозяйство одна. Ее жизнь была суровой, очень суровой, но те редкие минуты, которые ей удавалось выкроить из утомительной работы, она посвящала мне, своей любимице. Несмотря ни на что, у меня было счастливое детство. Сестра Жанна была для меня второй мамой, а нашу очаровательную и улыбчивую сестру Марию (теперь она живет в Нью-Йорке) я иногда выводила из себя. Но больше всех я обожала брата Жана, заменившего мне рано ушедшего отца. Увы, я недолго находилась под его опекой: мне было всего семь, когда брат погиб в первых сражениях войны 1914 года.

В то время в сельской местности еще не существовало таких бытовых удобств, как сегодня. Размеры нашего маленького участка вынуждали нас жить на самообеспечении, и я бывала чрезвычайно горда, когда мне поручали пасти стадо из шести коров или возвращать в загон домашних птиц. По правде сказать, я не особенно страдала от отсутствия друзей-сверстников и хорошо играла сама с собой. Старшие сестры всегда были заняты работой, и мне приходилось самой рассказывать себе разные истории. Эта привычка мне очень пригодилась много лет спустя в карцерах и тесных одиночках тюрем.

Свободолюбивая и своенравная, я с трудом переносила школьную дисциплину. В классе я вела себя так же озорно, как и дома, за что часто бывала наказана. Когда мне исполнилось тринадцать лет, я без сожаления распрощалась со своей учительницей. Я и слушать не желала о том, чтобы продолжать учебу, и тогда матушка сочла благоразумным отправить меня в город Ош, где работала портнихой моя сестра Жанна. Должна признаться, я оказалась неспособной к портняжному ремеслу, и это очень раздражало сестру. Однажды Жанна крепко отругала меня за какую-то оплошность. Мой главный недостаток – на меня нельзя давить. И когда сестра закончила меня распекать, я уже приняла решение: уезжаю. Не слишком задумываясь о своих дальнейших планах, я скопила денег на билет в вагон третьего класса. Зимним утром 1922 года я села в поезд до Парижа. Мне было пятнадцать лет, в моей сумочке лежало четыре франка.

В то время Луиза, одна из моих кузин, работала горничной в зажиточном доме на авеню Оперá. Благодаря ей мне удалось устроиться няней в семью корсиканцев, проживавших на рю Даниэль Лезюэр. Переполненная счастьем, я не могла поверить тому, что наконец-то стала парижанкой. Я служила у своих первых хозяев до июня 1924 года, а когда мне исполнилось семнадцать, я уже возомнила себя настоящей барышней, и мне хотелось заработать побольше денег, чтобы стать более свободной. Я нашла место прислуги на рю Вожирар.

Мне едва исполнилось восемнадцать, когда однажды утром я увидела в витрине булочной объявление о сдаче комнаты на той же улице – рю Вожирар, 148. Собственное жилье сулило мне желанную свободу. Кто мог тогда предположить, что несколько строк этого объявления решат мою судьбу и, вместо того чтобы осуществить свою мечту и стать свободной женщиной, я на долгие годы окажусь в заключении?

Комнату сдавала некая мадам Кестер, проживавшая в восьмикомнатной квартире вместе со своей дочерью Ольгой. Я не знала, чем зарабатывают на жизнь эти русские женщины, бежавшие из России после революции. Они вели весьма скромный образ жизни. Мадам Кестер прекрасно говорила по-французски, ей было не более сорока, но из-за крупного телосложения она выглядела старше своих лет. Она радушно приняла меня, хотя ее немного позабавила моя

застенчивость. Указанная в объявлении комната находилась на восьмом этаже, и, поскольку удобств в ней не было, мадам Кестер предложила мне пользоваться их кухней для готовки и стирки. Войдя в дом, я ощутила знакомую семейную атмосферу, по которой соскучилась после отъезда из Мон-де-Марсана. Кроме того, мне очень понравилась Ольга, почти моя ровесница, с которой нам суждено было подружиться.

Мон-де-Марсан. Здание мэрии. Начало XX в. Из архива А. Ляфуркада

Мон-де-Марсан. 2018. Фото Д. Белановского

Не могу сказать, по какой причине Кестер, будучи эмигранткой, поддерживала тесные отношения с некоторыми сотрудниками советского полпредства. Правда, тогда подобные вопросы меня почти не занимали. Все свободное время я проводила с Ольгой. У нее было французское гражданство, и ее недавно приняли в Оперá танцовщицей, где она выступала под сценическим именем Ольга Кирова. Вероятно, под ее влиянием я отказалась от места домработницы и поступила ученицей в переплетную мастерскую на рю Пантеон. Мне нравилась атмосфера рю Монтань-Сент-Женевьев и бульвара Сен-Мишель. Сейчас я думаю, что это были лучшие годы моей жизни. После работы я спешила в дом к Кестерам, где часто помогала Ольге готовить танцевальные костюмы. Иногда мне случалось сопровождать ее в Оперá и присутствовать на репетициях.

Как-то вечером, выйдя из своей мансарды, чтобы, как обычно, провести вечер с мадам Кестер и ее дочерью, я неожиданно встретила у них посетителей. Боясь показаться нескромной, я хотела было вернуться к себе, но меня удержали, и я с трудом выдержала несколько часов, слушая, как хозяйки болтают по-русски с гостями – двумя пожилыми грузинками, которых сопровождал молодой, но уже склонный к полноте человек с типичной восточной внешностью. Мне объяснили, что юноша изучает в Париже медицину, а эти две дамы приехали из Тифлиса¹ его навестить. Таково было мое первое настоящее знакомство с русскими.

Дом в Париже на рю Вожирар, 148, где Сенторенс снимала комнату у Э. Кестер и О. Кировой. 2018. Фото Д. Белановского

После того вечера посетители из России стали заходить к мадам Кестер все чаще. Хотя с тех пор прошло много времени, я прекрасно помню приятную молодую супружескую пару Крыленко. Мадам Крыленко² работала в советском полпредстве. Это была женщина невысокого роста с невыразительной внешностью, а вот ее муж, статный мужчина, выдававший себя

¹ Тифлис (с 1936 г. – Тбилиси) – столица Грузии.

² Крыленко Елена Васильевна (1895, Россия – 1956, США) – живописец, график. Сестра прокурора РСФСР Н. В. Крыленко. После Октябрьской революции служила секретарем дипломата М. М. Литвинова. С 1922 г. – жена американского писателя Макса Истмана. В 1924 г. уехала с ним в США. Писала пейзажи, портреты, натюрморты, обнаженную натуру.

за американца, произвел на меня сильное впечатление. Неосознанно я постепенно вошла в этот славянский мирок, где каждый норовил привлечь к себе внимание. Наибольший интерес ко мне проявлял Фрадкин, молодой инженер, также работавший в советском полпредстве на рю Гренель. Черноглазый и не по годам седой, он выглядел очень милым, но вызывал жалость, поскольку был вынужден ходить с тростью: одна нога у него была немного короче другой. Он пытался за мной ухаживать, но я быстро его отвергла: в моих деревенских генах сохранилось отвращение к уродству и увечьям.

Радикальные перемены в моей жизни произошли в канун Рождества 1925 года. В тот вечер мадам Кестер устроила вечеринку, и в числе тех, кто еще не был завсегдатаем этого дома, мне представили улыбчивого молодого человека с приятной внешностью. Ему было около тридцати, звали его Алексей Трефилов. Он плохо говорил по-французски, и мы с трудом понимали друг друга. В этом блестящем, как мне тогда казалось, обществе меня считали хорошенькой, и я заметила, что Трефилов оказывает мне больше знаков внимания, нежели другим присутствующим на вечеринке дамам, что, разумеется, мне льстило. Останься я на семейной ферме, была бы сейчас вынуждена принимать ухаживания соседских крестьян, – думала я в свои восемнадцать лет и радовалась тому, что считала бесспорным успехом.

Ольга Кирова. Фото из газеты L'Ouest-Éclair. 1935

Эмма Кестер. 1921. РГАСПИ

Поднимаясь к себе на рассвете, я представляла свое будущее в розовых тонах и грезилась о том, как торжественно вернусь в Мон-де-Марсан с мужем, который вызовет всеобщее восхищение. Очевидно, я слишком высоко воспаряла в своих мечтах, но, как я уже говорила, мне было всего восемнадцать лет. Я знала, что произвела впечатление на Трефилова, и не удивилась, когда 1 января 1926 года он пригласил меня на прием в советское полпредство. С трепетом в сердце я вошла в большой, залитый светом зал, полный людей. Впервые в жизни я ела икру и пила водку. Сейчас не могу сказать, оценила ли я их вкус. Неожиданно наступило всеобщее молчание: на эстраду вышел человек и принялся по-русски декламировать стихи. Это был молодой мужчина с крупными чертами лица, с буйной и вместе с тем аккуратно расчесан-

ной шевелюрой. То, что он читал, звучало настолько эмоционально, что сидевшие рядом дамы то и дело утирали слезы. Я дождалась, пока раздадутся аплодисменты, и спросила Трефилова, как зовут этого господина. Он ответил, что это Маяковский.

Именно в тот вечер, провожая меня из полпредства на рю Вожирар, Алексей признался, что хотел бы познакомиться с моей семьей. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: он готовился просить моей руки. Сидя за туалетным столиком в своей комнате, я так воодушевленно пела, что соседка поинтересовалась, что происходит.

Алексей Трефилов. 1920-е гг. АВПРФ

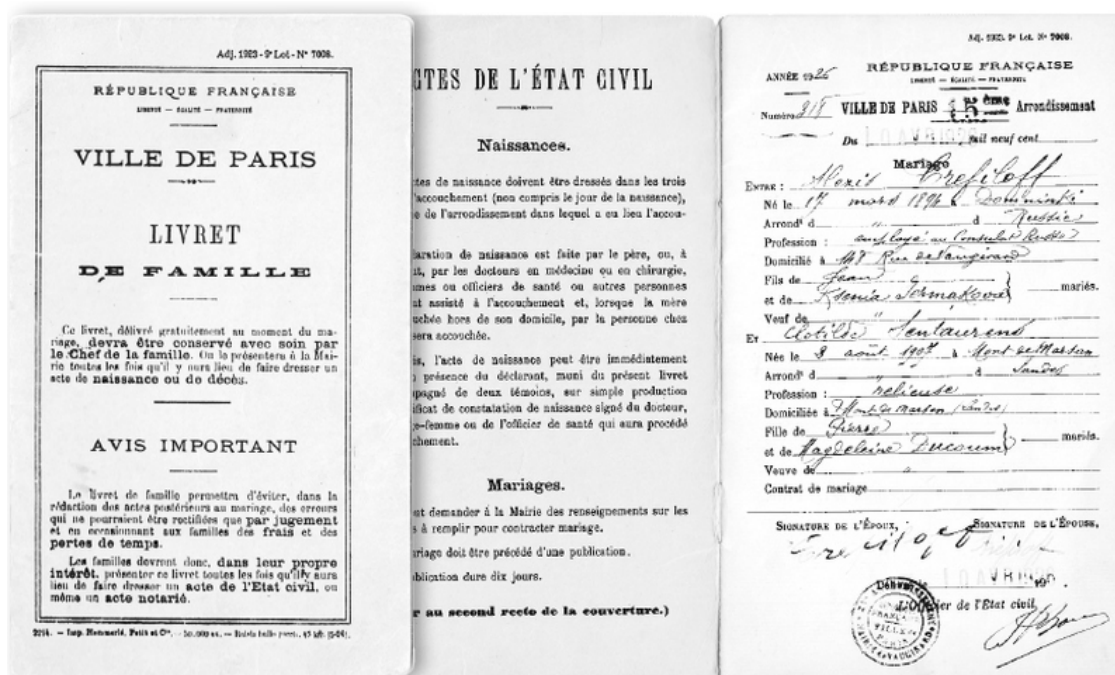
С 1 января мы с Алексеем уже вели себя как помолвленные. Никогда раньше я не слышала того, что он рассказывал мне во время наших бесконечных прогулок по Парижу. Его слова заставляли меня взглянуть на мир другими глазами. Моя жизнь превратилась в настоящую сказку. Не проходило и вечера, чтобы Алексей не приглашал меня в ресторан, в кино или театр. Я все больше и больше привязывалась к этому человеку и уже считала его своим будущим мужем. Мадам Кестер была в курсе моей идиллии и поощряла меня. Только Ольгу не воодушевляла перспектива моего союза с одним из ее соотечественников. Она не говорила ничего конкретно, лишь отпускала ироничные замечания. Ее предостережения были мне не вполне понятны и лишь выводили меня из себя. Через некоторое время меня спросили, не желаю ли я выйти замуж за русского? Должна признаться, я никогда не задумывалась о национальности Алексея. Для меня он был таким же, как и все остальные, я не видела причин не доверять ему. Алексей никогда не говорил со мной о политике, во-первых, потому что у нас были другие темы для разговоров, а во-вторых, потому что политика меня не интересовала. Я ничего не знала о коммунизме и, честно говоря, даже не думала о том, что мне предстоит жить среди коммунистов. Я помню, как во время прогулки вдоль Сены Трефилов сравнил ее с Москвой-рекой. Это слово – «Москва» – я нашла весьма благозвучным. Когда же мой спутник поинтересовался, не соглашусь ли я, в случае необходимости, поехать в Россию, я воскликнула, что, если потребуется, поеду за ним хоть на край света. Я была искренна. У меня, ездившей лишь по маршруту Мон-де-Марсан – Париж и обратно, идея познакомиться с Россией совершенно не вызвала отторжения, как раз наоборот. Я уже представляла, как однажды вернусь в Ланды³ и очарую родных своими рассказами и подарками.

Так прошла зима. Видит Бог, мне не на что было жаловаться, однако в глубине души я помнила давние предупреждения моей матушки относительно ухаживаний молодых людей и уже начинала думать, что Алексей запаздывает с предложением руки и сердца. Однако мои отношения с Трефиловым были вполне целомудренными, и я не слишком беспокоилась на сей счет. Как-то мартовским вечером, возвращаясь с работы, я поднималась по лестнице в свою комнатку, когда у входной двери Кестер с удивлением обнаружила мать Ольги, преградившую мне путь. Она взяла меня за руку и, не говоря ни слова, повела к себе. Это было странно, но за несколько месяцев общения с русскими я успела привыкнуть к тому, что моя матушка назвала бы эксцентричным поведением. Мадам Кестер втолкнула меня в гостиную, где я увидела сидевшую в кресле Ольгу, что-то невнятно пробормотавшую в ответ на мое приветствие. Я решила, что она, должно быть, не в духе или повздорила с матерью, что случалось довольно часто. Тем временем мадам Кестер усадила меня напротив и торжественно объявила, что Алексей Трефилов, в отсутствие моей матери и дабы соблюсти приличия, попросил у нее моей руки. От неожиданности у меня перехватило дыхание, кровь прилила к щекам. Сделав неуместное замечание в адрес столь церемониальной атмосферы, Ольга грубо расхохоталась. Ее мать притворилась, что ничего не слышит, и важно спросила, какой ответ она должна дать Трефилову. Естественно, я ответила, что Алексей мне чрезвычайно симпатичен, я полагаю, что он меня тоже любит и что я не вижу препятствий к тому, чтобы стать его женой. Тут мадам Кестер дала волю своей экспансивной натуре: расцеловав меня, она заявила, что очень рада моему решению и уверена, что я буду счастлива с Трефиловым. Мы смеялись и плакали, как две идиотки, в то время как Ольга вносила разлад в наш дуэт. Она назвала нас сумасшедшими, а потом начала упрекать мать в том, что та вмешивается в чужие дела. Обескураженная, моя хозяйка расплакалась, но это уже были не слезы радости. Я не понимала, что происходит. Тогда Ольга стала умолять меня подумать о том, куда я еду. Она говорила, что я даже не представляю себе, какой будет моя жизнь в СССР, если я отправлюсь туда со своим мужем, и что мне лучше выйти замуж за кого угодно, только не за большевика. Но влюбленной ли девушке прислуши-

³ Ланды (*фр.* Landes, *окс.* Lanas) – департамент на юго-западе Франции с административным центром в Мон-де-Марсане.

ваться к голосу разума! Тогда я наивно предположила, что подруга просто завидует мне, но теперь понимаю, что, будучи более здравомыслящей, чем ее мать, она догадывалась о том, что ожидает меня в случае, если я стану Андре Трефиловой. Как я могла поверить ее предостережениям, если все русские, которых я встречала, были так любезны со мной, так хорошо воспитаны? Когда Ольга наконец поняла, что не сможет меня переубедить, она вышла из комнаты. С ней ушел и мой последний шанс избежать череды грядущих несчастий.

Мне еще не было девятнадцати, поэтому на мой брак требовалось согласие матери, которой я немедленно написала. Не сомневаюсь, моя бедная матушка, не слишком понимая, что означает этот брак, недоумевала, почему бы ее дочери не взять себе в мужа француза, но, уже привыкшая к моим выходкам, не стала возражать против нашего союза. Убедить сестер оказалось труднее, особенно Мари-Луизу: грозная старшая сестра закатила мне скандал, рассудив, что если я выйду замуж за русского, то она меня уже никогда не увидит. Луиза была упрямой, но и я была такой же. Она прекрасно это понимала и в конце концов дала свое согласие. Итак, 10 апреля 1926 года в мэрии XV округа Парижа я стала мадам Алексис Трефиловой. Свидетелем с моей стороны была подруга с работы, со стороны жениха – секретарь советского полпреда Безухов. Алексей и слышать не хотел о венчании. Хотя я не была особенно религиозной, без церковного благословения этот брак, как мне казалось, был недействительным.

Свидетельство о браке Андре Сенторенс и Алексея Трефилова, выданное в Париже 10 апреля 1926 года. Из архива Жерара Посьелло

Свадебный ужин состоялся в советском полпредстве на rue Гренель. Я восхищалась подарками, которые мне преподносили, и впервые оценила приветливость, доброжелательность и радушие русских, не стеснявшихся в выражении своих самых искренних чувств. Со временем, однако, мне предстояло понять, что не все советские чиновники походили на консула. В конце банкета он произнес в мою честь чрезвычайно трогательную речь. Из вежливости гости, говорившие по-французски, продолжали объясняться на моем языке, чтобы я чувствовала себя комфортно. Но я была слишком счастлива, чтобы чего-либо опасаться.

Медовый месяц мы провели в Мон-де-Марсане. Трефилов назвал мой отчий край прекрасным, а семью приятной. Матушка и сестры пришли в восторг от того, что я смогла найти

себе такого замечательного мужа. Даже Мари-Луиза вынуждена была изменить свое мнение. В тот момент и речи не было о моем отъезде в Россию, и все единодушно сочли нашу брачную авантюру радостным поворотом судьбы.

Все ошибались.

2. В советском полпредстве

Алексей был небогат, а я и подавно; мы поселились в комнатке, которую он снял прямо перед нашей свадьбой, в квартире на рю Вожирар, где я когда-то жила. Я солгала бы, если бы сказала, что не была счастлива. Я любила своего мужа и была уверена в том, что и он любит меня так нежно, насколько это возможно, – в то время еще не проявился его эгоизм и исключительная преданность партии. По крайней мере, я тогда еще ничего этого не замечала, и несколько недель после нашей свадьбы мы испытывали восторг, присущий всем молодоженам. Я стремилась лучше узнать Алексея. Уступая моим просьбам, он понемногу рассказывал о том, как жил до нашего знакомства. Я считала его умным человеком (и сегодня так считаю). Слишком поздно я смогла понять, что он был одним из тех бесхарактерных людей, каких мне немало потом довелось встречать в СССР. Именно в этой бесхарактерности и кроется причина воцарившейся в России безжалостной диктатуры. Если хочешь жить, тебе нужно скрывать свою индивидуальность, как преступление, и независимость, как предательство. Нужно подчиняться приказам, выслушивать выговоры, отвечать улыбкой на унижения и молчать, молчать, молчать!

Возможно, Трефилову импонировало мое крестьянское происхождение, ведь он и сам был выходцем из деревни. Так же как и я, он получил лишь начальное образование, но, в отличие от меня, переживал из-за того, что пробел в образовании лишал его возможности претендовать на более серьезную карьеру. Насколько я понимаю, Алексей рассчитывал сгладить этот недостаток, вступив в партию еще во время революции 1917 года. Карьерным устремлениям Алексея поспособствовало его назначение на должность охранника наркома иностранных дел СССР Чичерина⁴, который, впад в немилость, вынужден был сидеть взаперти в своей московской квартире. Алексей прекрасно справился с ролью неприметного тюремщика и в качестве награды за труды был назначен в штат советского полпредства⁵ в Литве. Оттуда его и направили в Париж, после того как Франция признала советское правительство⁶. Я была еще достаточно наивна, чтобы радоваться этому. Только спустя годы я поняла, что Трефилов прежде всего был советским чиновником, а все остальные люди, даже собственная жена, не имели для него большого значения. В этом мне еще предстояло жестоким образом убедиться.

Но весной 1926 года все было замечательно, и я считала своего мужа самым соблазнительным из всех мужчин. Первый «звоночек» прозвенел по вине той, что нас познакомила, – мадам Кестер. Однажды вечером, возвратившись домой, Алексей обнаружил на своем столе записку – стихотворение, написанное по-русски. В какой-то момент мы подумали, что это один из приятных маленьких сюрпризов Ольгиной матери. Но, увидев, как Трефилов бледнеет, читая это сочинение, я заподозрила, что происходит неладное. Положив лист бумаги на прежнее место, он выглядел ошеломленным и все время повторял: «Она сошла с ума, с ума, с ума...» Затем, уставившись на меня, спросил: «Какая муха ее укусила?»

Я с трудом нашла слова для ответа. Алексей объяснил мне, что стихотворение мадам Кестер было злобным антисоветским сочинением. Мой муж до смерти боялся подобных историй, опасаясь скомпрометировать себя, поэтому он мог бы замять это дело, если бы поэтессе не пришла в голову безумная мысль послать свое сочинение в полпредство на рю Гренель. Сегодня я все еще спрашиваю себя: что побудило ее пойти на этот шаг? Как бы там ни было,

⁴ Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – советский дипломат, нарком иностранных дел РСФСР и СССР (1918–1930). С 1925 г. – член ЦК ВКП(б). С 1930 г. – на пенсии, выведен из состава ЦК.

⁵ В описываемый период советское дипломатическое представительство в Париже официально называлось «полпредство» (полномочное представительство), а должность его главы – «полпред».

⁶ Дипломатические отношения между Францией и СССР были установлены 28 октября 1924 г.

события быстро приняли дурной оборот, и у прежних знакомых мадам Кестер начались серьезные неприятности. Так, моего бывшего поклонника инженера Фрадкина срочно вызвали в Москву; безликой мадам Крыленко также было предписано вернуться в СССР. Но она, должно быть, догадывалась о грозившей ей участи. Однажды они с мужем⁷ вышли из полпредства, и никто из русских не смог их задержать. Я узнала впоследствии, что в отместку брат мадам Крыленко, в то время генеральный прокурор⁸, был отстранен от должности. Трефилов был в ярости. Он взял с меня слово порвать всякие отношения с мадам Кестер, и в июне 1926 года мы переехали на рю Лекок. Я с грустью вспоминала о своих бывших друзьях и особенно об Ольге, с которой мне больше не суждено было увидеться. Я знаю, что сейчас она живет в Канаде и вышла там замуж.

Я была слишком юной, чтобы изводить себя ненужными сожалениями, и настолько влюблена в Алексея, что соглашалась с ним во всем. Не настало еще то время, когда я начала задавать себе вопросы. С другой стороны, мне хватало личных забот, и я не слишком беспокоилась о том, что нас с Алексеем не касалось напрямую. К тому же я была беременна, и мы с мужем часами обсуждали наше будущее и будущее нашего сына – мы не сомневались в том, что наш первый ребенок непременно будет мальчиком. Мой сын появился на свет 28 января 1927 года. Он родился в семье, уверенной в завтрашнем дне. Мы назвали его Жоржем. Алексей воспротивился крещению ребенка, и это обидело меня даже больше, чем отказ от венчания. Моя семья испокон веков была католической, и я восстала против такого решения, посчитав его несправедливым. Трефилов же высмеял меня, назвав это предрассудками, и не уступил. Это был наш первый настоящий конфликт, но Алексей постарался, чтобы я о нем забыла, – удвоил свою нежность ко мне и нашему малышу. Некоторые сослуживцы мужа прислали нам поздравления, но подарки я получила только от своей семьи. Моя матушка, приехав из Монде-Марсана, естественно, нашла нашего сына лучшим ребенком на свете. К сожалению, заниматься воспитанием Жоржа в Париже было практически невозможно, поэтому мы доверили его моей сестре Жанне: она жила в Оше и была счастлива нянчиться с племянником.

Я больше не работала в переплетной мастерской на рю Пантеон, но, так как жалованья Алексея нам не хватало, он устроил меня телефонисткой в советское торгпредство. Новое занятие пришлось мне по душе. Однако, к моему большому удивлению, сослуживицы – жены французских коммунистов – отнеслись ко мне весьма холодно. Я приступила к работе в сентябре 1927 года и, несмотря на все свои старания, так и не смогла сблизиться ни с одной из них. Кажется, они мне завидовали. Поскольку мой муж работал в полпредстве, они, должно быть, полагали, что меня специально устроили сюда шпионить, и держались молчаливо, опасаясь потерять работу. Когда три года спустя я уезжала в Россию, они не скрывали своего облегчения.

Мы с Трефиловым работали так же, как и мелкие французские служащие, и наслаждались обществом друг друга, но самой большой радостью для меня было читать письма о Жорже от сестры Жанны. Отъезд в Россию становился событием все менее и менее вероятным, и, должна сказать, я не жалела об этом. Алексей же, напротив, жаловался на то, что не может повидать родных. Мне не в чем было упрекнуть мужа, но с каждым днем атмосфера вокруг меня становилась все более и более душливой. Во мне крепло убеждение, что у нас с Алексеем никогда не будет того единства взглядов, какое я встречала у своих соотечественников. Меня шокировали сотни разных мелочей, но я не могла объяснить себе причину своего раз-

⁷ Истмен Макс Форрестер (Eastman Max Forrester, 1883–1969) – американский журналист, писатель, поэт, литературный критик и радикальный политический активист. Первоначально социалист, троцкист, под конец жизни стал антикоммунистом.

⁸ Крыленко Николай Васильевич (1885–1938). В 1922–1931 гг. – заместитель наркома юстиции РСФСР. В 1923–1924 гг. – председатель Верховного суда СССР. В 1927–1934 гг. – член Центральной контрольной комиссии ВКП(б). В 1928–1931 гг. – прокурор РСФСР. В 1931–1936 гг. – нарком юстиции РСФСР. В 1936–1938 гг. – нарком юстиции СССР. Выступал обвинителем на главных политических процессах в 1920-х – начале 1930-х гг. Арестован 1 февраля 1938 г. по обвинению в контрреволюционных преступлениях. Расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.

дражения. Вероятнее всего, дело было в том, что я не понимала язык, на котором говорил Трефилов, а ему часто стоило большого труда передать свои чувства на моем языке; кроме того, я усиленно пыталась донести до него свои взгляды на те или иные вопросы. Если для выражения нежности достаточно ограниченного набора слов, то совершенно иное дело – обсуждение важных вопросов. Пока мы были влюбленными молодоженами, Алексей пытался обучать меня русскому языку, но то ли из-за того, что ему не хватало педагогических навыков, то ли потому, что я сопротивлялась обучению, мне не удавалось освоить чрезвычайно трудное русское произношение. Что касается грамматики, то она казалась лабиринтом, где я сразу и окончательно терялась. Друзья мужа старались в моем присутствии говорить по-французски, но стоило мне отвернуться, как они переходили на русский, и я сходила с ума, пытаясь понять, о чем они говорят.

Так протекала наша жизнь, в целом довольно безрадостная и серая, и временами мне трудно было признаться себе в том, что мое счастье, возможно, было не таким полным, каким я представляла его вначале. Единственным временем, когда мы по-настоящему могли отдохнуть, был наш совместный отпуск. Сначала мы ехали в Мон-де-Марсан, чтобы провести несколько дней с матушкой, а затем в Ош, к сестре Жанне. Только тогда у нас была возможность побыть с нашим ребенком. С каждым возвращением в Париж я испытывала привычную боль: зачем заводить детей, если ты не можешь видеть, как они растут? Сидя в вагоне поезда, направлявшегося в столицу, я размышляла о том, что не смогу позволить себе завести еще детей до тех пор, пока не улучшится наше материальное положение.

Здание российского посольства (бывшего советского полпредства) в Париже. 2018. Фото Д. Белановского

Ситуация изменилась в апреле 1929 года, когда муж объявил, что мы переезжаем из нашей квартиры на рю Лекок в здание советского полпредства на рю Гренель, 17, где нам предоставили трехкомнатную квартиру. В тот момент мне и в голову не приходило, что я оказалась на пороге тюрьмы, напротив, я очень гордилась тем, что буду жить в такой шикарной квартире. Узнав о нашем переезде, мои французские сослуживицы по торгпредству стали еще менее дружелюбны. Многие из них проживали в скверных жилищах, и меня упрекали в том,

что я наслаждаюсь недоступными им преимуществами. Мне дали несколько выходных для переезда на новое место. Должна признаться, я не ощутила никакого дурного предчувствия, перешагнув порог советского полпредства. Я даже не осознала, что теоретически уже нахожусь на территории СССР.

Окна нашей столовой выходили на рю Гренель, и я не чувствовала себя полностью отрезанной от мира, к тому же почти ежедневно я встречала соотечественников по дороге на работу и обратно. Из комнаты открывался вид на посольский дворик, и наблюдать за тем, как въезжают и выезжают машины, было для меня некоторым развлечением.

На нашем этаже проживали и другие сотрудники полпредства, в частности, секретарь полпреда Наталья Смирнова со своей дочерью, которой было не больше восьми лет. Мы сразу же крепко подружились. Наталья, уроженка Воронежа, была блондинкой с добрым, очаровательно близоруким взглядом. К моменту нашего знакомства ей только исполнилось двадцать восемь лет. Мы быстро сблизились еще и потому, что она пребывала в некоторой изоляции от коллектива: ее отношения с полпредом вызвали подозрения у коллег, опасавшихся, что Наталья может ему на них донести. Тогда я еще не знала, что доносительство стало в новой России страшным злом, с которым мне, к сожалению, суждено будет многократно столкнуться в будущем. Наталья приехала из советского полпредства в Осло. По-норвежски она говорила так же великолепно, как и по-французски. Благодаря ей я не чувствовала себя одинокой на рю Гренель.

А вот с другими обитателями этажа, Ершовым и его женой, мне не привелось завязать столь же приятное знакомство. Ершов служил ночным охранником, а его жена, полная блондинка с пучком на затылке, работала домашней прислугой. Она не говорила ни слова по-французски, и для меня это было прекрасным поводом не заходить к ней. При встречах мы только раскланивались друг с другом. Если Ершова была просто несимпатична, то ее муж внушал мне настоящий страх. Этот блондин с блуждающим взглядом всегда выглядел так, будто кого-то выслеживает. Однажды, зная, что я одна, он вошел без стука, внимательно осмотрелся вокруг, как будто искал что-то, и вышел, не сказав ни слова. Ершов вполне прилично говорил по-французски, и я не постеснялась высказать ему, что думаю о его поступке, но он, похоже, не слушал и никак не отреагировал на мои слова. Я сообщила Алексею о хамстве Ершова, но, к моему изумлению, Трефилов лишь пожал плечами и не сделал ничего, чтобы положить конец столь оскорбительному поведению. Думаю, именно с этого момента я начала испытывать некоторое чувство дискомфорта. В первый раз я поняла, что русские живут в соответствии с чуждыми мне правилами и я ничего не смогу с этим поделать. Наталья, выслушав мой рассказ об инциденте с Ершовым, посоветовала мне проявлять осторожность. Эта единодушная пассивность привела меня в замешательство. Наталья не могла сказать о том, что Ершов был сотрудником ГПУ⁹, об этом я узнала уже в Москве.

Работники полпредства, с которыми я поддерживала дружеские отношения, удивлялись отсутствию у меня интереса к событиям в СССР. Но в то время женщины, особенно моего положения, совершенно не занимались политикой (им еще не скоро предстояло получить право голоса). Трефилов¹⁰, как и его друзья, заходившие к нам в гости, ничего мне не рассказывали о России. На все мои вопросы он отвечал одинаково:

– Сама увидишь, когда там будешь.

⁹ Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР – советский орган государственной безопасности. Учрежден 6 февраля 1922 г. по предложению В. И. Ленина. 15 ноября 1923 г. на базе ГПУ после создания СССР было образовано ОГПУ при СНК СССР уже на союзном уровне.

¹⁰ Во Франции женщины получили избирательное право 21 апреля 1944 г. Впервые французские женщины проголосовали на муниципальных выборах 29 апреля 1945 г.

И мне действительно предстояло со временем самой все увидеть. С какого-то момента я стала обращать внимание на то, что все знакомые советские граждане (возможно, за исключением Алексея) не испытывали особого желания вернуться на родину. Я скажу неправду, если стану утверждать, что меня совсем не беспокоило столь безразличное отношение этих людей к своей стране, но их безразличие совпадало с моими собственными ощущениями, так что я особо об этом не думала. С течением времени я испытывала все меньшее и меньшее стремление жить в СССР, жажда приключений и путешествий прошла. Все, что я видела, что чувствовала, о чем догадывалась, все вызывало во мне смутное ощущение опасности. Я еще не понимала природу своей тревоги, но, кажется, одного этого чувства было достаточно, чтобы остаться во Франции, даже если нам и предстояло всю жизнь довольствоваться только поездками в Мон-де-Марсан и Ош.

Сейчас, по прошествии трех десятков лет, понимая многое из того, что мне довелось узнать за это время, я думаю, что враждебность Ершова по отношению ко мне объяснялась тем, что я пользовалась благосклонностью полпреда и его жены.

Советский полпред Валериан Довгалецкий¹¹ в 1928 году был одним из самых симпатичных русских людей, каких мне довелось встречать, и к тому же человеком западноевропейской культуры. Прожив много лет во Франции до падения царского режима в России, он возвратился на родину в 1917 году. После этого он занимал несколько ответственных постов за границей, пока не сменил Раковского¹² в Париже. Довгалецкому было около сорока. Среднего роста, тучный, приветливый и веселый, он выглядел жизнелюбом и постоянно выказывал доброжелательное отношение ко мне. Очевидно, он предвидел, что ожидает меня в СССР. Этому прекрасному человеку суждено было умереть от рака в Скандинавии.

¹¹ Довгалецкий Валериан Савельевич (1885–1934) – участник революционного движения в России, член РСДРП(б) и Французской социалистической партии, дипломат, нарком почт и телеграфов РСФСР. Полпред СССР в Швеции, Японии, Франции. Умер 14 июля 1934 г. в одной из клиник под Парижем. Кремирован в крематории Пер-Лашез. Похоронен в некрополе у Кремлевской стены. Дочь Ирина Довгалецкая-Амосова репрессирована в 1937 г. как «член семьи изменника родина», приговорена к восьми годам в Акмолинском отделении Карлага (АЛЖИР). Вышла из заключения в 1939 г.

¹² Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941) в 1925–1927 гг. полномочный представитель СССР во Франции. Был одним из лидеров троцкистской оппозиции. В 1927 г. исключен из ВКП(б). С 1928 по 1934 г. находился в ссылке в Астрахани, затем в Барнауле. В 1934 г. начальник Управления средних учебных заведений Наркомата здравоохранения РСФСР. В 1935 г. восстановлен в ВКП(б). Арестован 27 января 1937 г. по «делу Антисоветского правотроцкистского блока». Приговорен к 20 годам тюремного заключения. Расстрелян в 1941 г. В 1988 г. реабилитирован.

Встреча В. Довгалеvского (в центре) на Северном вокзале в Париже. Справа от него: дочь Ирина, жена Анна, первый советник полпредства СССР Г. Беседовский. Октябрь 1929. Фото из журнала «Иллюстрированная Россия».

Анна Довгалеvская стала для меня скорее другом, чем начальницей. Она была почти ровесницей своего мужа. Анна носила короткую стрижку, и перед нежностью ее ясных голубых глаз невозможно было устоять. Она была исключительно привлекательной женщиной и одевалась с большим вкусом. Однако уже во время наших первых встреч я обратила внимание на то, что ей было не по себе от окружения, в котором она оказалась не по своей воле. Получив образование во Франции, она говорила по-французски лучше меня. Довольно часто жена полпреда приглашала меня на чай тет-а-тет. Своих соотечественников она никогда не принимала – ей претило даже обращение «товарищ». Вспоминаю, как однажды вечером, готовясь к приему на Елисейских полях, Анна поинтересовалась моим мнением относительно ее туалета. Я осыпала ее комплиментами – она и в самом деле выглядела восхитительно – и призналась, что мечтает о таком же роскошном наряде. В ответ она с огорчением сказала, что ничего из этого гарнитура ей не принадлежит. Платье было предоставлено ей в пользование советским дипломатическим корпусом, так как у ее мужа не было средств, чтобы одевать свою жену в соответствии с протоколом, принятым на международных дипломатических раутах. Сверкавшие на шее и руках украшения были взяты напрокат, а ее собственные драгоценности давно конфискованы. Из всего ансамбля ей принадлежало только норковое манто.

У Довгалеvских была пятнадцатилетняя дочь Ирина, по натуре скрытная и замкнутая девушка, понять ее было нелегко. Семейная жизнь полпреда текла спокойно до того дня, пока из Норвегии не приехала его личный секретарь Наталья Смирнова. С этого момента обстановка стала напряженной. Однажды после полудня, прогуливаясь недалеко от рю Гренель, я заметила полного господина в пальто с поднятым до глаз воротником. Мне показалось, что я узнала Валериана Довгалеvского, но он был один, без охраны, и я решила, что обозналась. Вечером я рассказала об этом эпизоде Наталье, и она попросила не говорить никому, даже мужу, о том, что я видела. Это действительно был полпред – они с Натальей по обыкновению встречались в отеле. Однако шила в мешке не утаишь – вскоре о происходящем узнали все, включая мадам Довгалеvскую и ее дочь. Последняя не вынесла вида своей несчастной матери и

вернулась в Москву. Позднее мне довелось с ней встретиться при более драматичных обстоятельствах. У Анны Довгалева была дочь от первого брака, и она часто ездила в Россию, чтобы повидаться с ним. Наталья же во время ее отсутствия занимала место жены рядом с полпредом, не полагаясь на ее статус. При попустительстве Валериана Довгалева она вела себя настолько беззащитно (даже во время официальных приемов), что это не могло не смутить иностранных дипломатов.

Подобное поведение вызывало раздражение Москвы, которая стала требовать, чтобы Наталья заключила фиктивный брак. Этой хитрости было, разумеется, недостаточно, чтобы успокоить жену полпреда. Анна посчитала себя униженной и, рассудив, что ее дальнейшее пребывание в Париже не имеет смысла, немедленно вернулась в СССР. Ее отъезд меня очень огорчил, но я не могла винить в этом Наталью, которую очень любила.

Несмотря на описанные выше события, задевавшие меня рикошетом, моя жизнь продолжала идти своим чередом. Нельзя сказать, что между мной и Алексеем были какие-то разногласия, но в мое сердце постепенно закрадывалось недоверие. Ни за что на свете я не согласилась бы кому-то рассказать об этом, особенно своей семье: я была слишком горда, чтобы признаться даже себе в том, что совершила ошибку и сожалею.

В июне 1928 года я присутствовала на роскошном приеме, устроенном Довгалева в честь авиатора Леваневского¹³ и не менее прославленного капитана ледокола «Красин» Самойловича¹⁴ – участников операции по спасению полярной экспедиции итальянского генерала Нобиле¹⁵.

Мало-помалу я вновь обрела независимость, которой располагала до замужества. Довольно часто, когда Трефилов был занят на посольских приемах, мы с Натальей отправлялись гулять по Парижу. Кабаре «Черный кот» стало одним из наших любимых мест, и мы славно проводили там время. Алексей, вероятно, не одобрял наши отлучки, но не осмеливался упрекнуть меня: ему было известно о том, какое влияние оказывает Наталья на полпреда. Я сильно привязалась к своей новой подруге и испытывала раздражение от того, что не могла болтать с ней по-русски, и, когда в торгпредстве открылись курсы русского языка, я записалась на них с большим энтузиазмом. Увы, уже через несколько дней я потеряла к занятиям всякий интерес и ушла, убежденная в том, что этот язык мне недоступен. Я ни за что не поверила бы, если бы кто-нибудь сказал мне тогда, что через несколько лет русский станет мне почти родным.

Меня удивляло одно обстоятельство: сотрудники полпредства никогда не пели. От мужа, мадам Кестер и их друзей я слышала (и могу это подтвердить), что русские очень хорошо поют, и их песни, часто грустные, мне необычайно нравились, хотя я и не понимала слов. На рю Гренель я слышала только, как немногочисленные французские сотрудники полпредства исполняют «Интернационал». Впрочем, чаще всего они пели неискренне, скорее желая продемонстрировать рвение, нежели выразить чувства.

В июле 1928 года произошло событие, так и оставшееся для меня загадкой. Рассказываю о нем потому, что оно свидетельствует о добром расположении ко мне полпреда. Я была занята

¹³ Леваневский Сигизмунд Александрович (1902–1937) – советский летчик, совершивший несколько сверхдлинных авиационных перелетов в 1930-х годах, участник экспедиции по спасению парохода «Челюскин», второй Герой Советского Союза (1934). Пропал без вести во время перелета над Северным полюсом. Вероятно, автор здесь допустила неточность, так как с 1928 г. Леваневский был в запасе, работая летчиком-инструктором Николаевской летной школы Осоавиахима.

¹⁴ Самойлович Рудольф Лазаревич (1881–1939) – советский полярный исследователь, профессор, доктор географических наук. Участник революционного движения. Исследователь Севера и Арктики. Начальник экспедиции на ледоколе «Красин» по спасению итальянского дирижабля «Италия», совершавшего полет к Северному полюсу под командованием Умберто Нобиле и потерпевшего аварию в Арктике (1928). В 1938 г. был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и в 1939 г. расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

¹⁵ Нобиле Умберто (Nobile Umberto, 1885–1978) – итальянский дирижаблестроитель, исследователь Арктики.

в торгпредстве, когда мне позвонили из полпредства и сказали, что меня требует Довгалеvский. Полпред сообщил, что к нему должен явиться с визитом некий важный французский политик, и попросил, чтобы именно я приготовила кофе и подала ликеры в Розовой гостиной. При этом он взял с меня обещание никому не рассказывать об этой встрече. Подавая кофе, я узнала посетителя. Это был Аристид Бриан¹⁶. Он производил впечатление пожилого, уставшего и не совсем здорового человека. Бриан курил сигарету, зажмурив глаза. Пока я их обслуживала, они не произнесли ни слова. Я никогда и никому не рассказывала об этой встрече, даже мужу, но сейчас, когда Довгалеvского и Бриана нет в живых, это уже не имеет значения.

В 1929 году в полпредстве появился молодой человек, сразу завоевавший всеобщую симпатию. Звали его Григорий Беседовский¹⁷, он был военным атташе и прибыл из Токио, где занимал тот же пост. Чуть за тридцать, среднего роста – он мог показаться непримечательным, если бы не его неистощимое остроумие. При встрече со знакомыми он обязательно отпускал какую-нибудь шутку. Беседовского можно было узнать издалека: он носил кепку «по-ленински», на затылке. Квартира, где он жил с женой и двенадцатилетним сыном, располагалась на третьем этаже, прямо над апартаментами посла.

Беседовские часто бывали в гостях у второго секретаря полпредства Гельфанда¹⁸ и его жены. Вскоре по полпредству стали ходить слухи о военном атташе. По крайней мере, об одном можно было сказать с уверенностью: с момента своей последней поездки в Москву Беседовский начал вызывать подозрение. Кроме того, нельзя было не заметить, что с ним из СССР приехали странные люди, которых все сторонились. Я в то время еще не знала, что это агенты ГПУ. Беседовский часто не ночевал дома, о чем его жена-полька поведала своей подруге мадам Гельфанд, а та, в свою очередь, поделилась этой историей с мужем. Гельфанд посоветовал жене не вмешиваться не в свое дело. Позже я поняла, что Гельфанд был доверенным лицом Беседовского и наверняка знал о его планах.

Однажды в полдень ко мне зашла вконец обезумевшая Наталья Смирнова: она только что стала невольным свидетелем яростного спора между полпредом и Беседовским. При виде молодой женщины они тут же смолкли, и Довгалеvский грубо отослал свою секретаршу, что было на него не похоже. Мы с Натальей долго думали, пытаясь понять, что все это значит. Я рассказала об инциденте Трефилову, но он приказал мне помалкивать и не забивать голову мыслями о военном атташе, что, разумеется, лишь удвоило мое любопытство.

Как-то вечером, примерно в шесть часов, проходя по посольскому дворику, я столкнулась с Беседовским, на нем был темно-коричневый костюм и кепка того же цвета. Впервые этот очаровательный и общительный человек прошел мимо меня, не сказав ни слова. Однако я успела заметить глубокую царапину на его правой щеке. Каково же было мое удивление, когда на следующее утро я прочла в парижской газете о том, что той ночью Беседовский бежал из полпредства: ему удалось оторваться от преследователей и перебраться через смежную с посольством Италии стену. Уверена, что из посольства он мог бежать только через маленькую

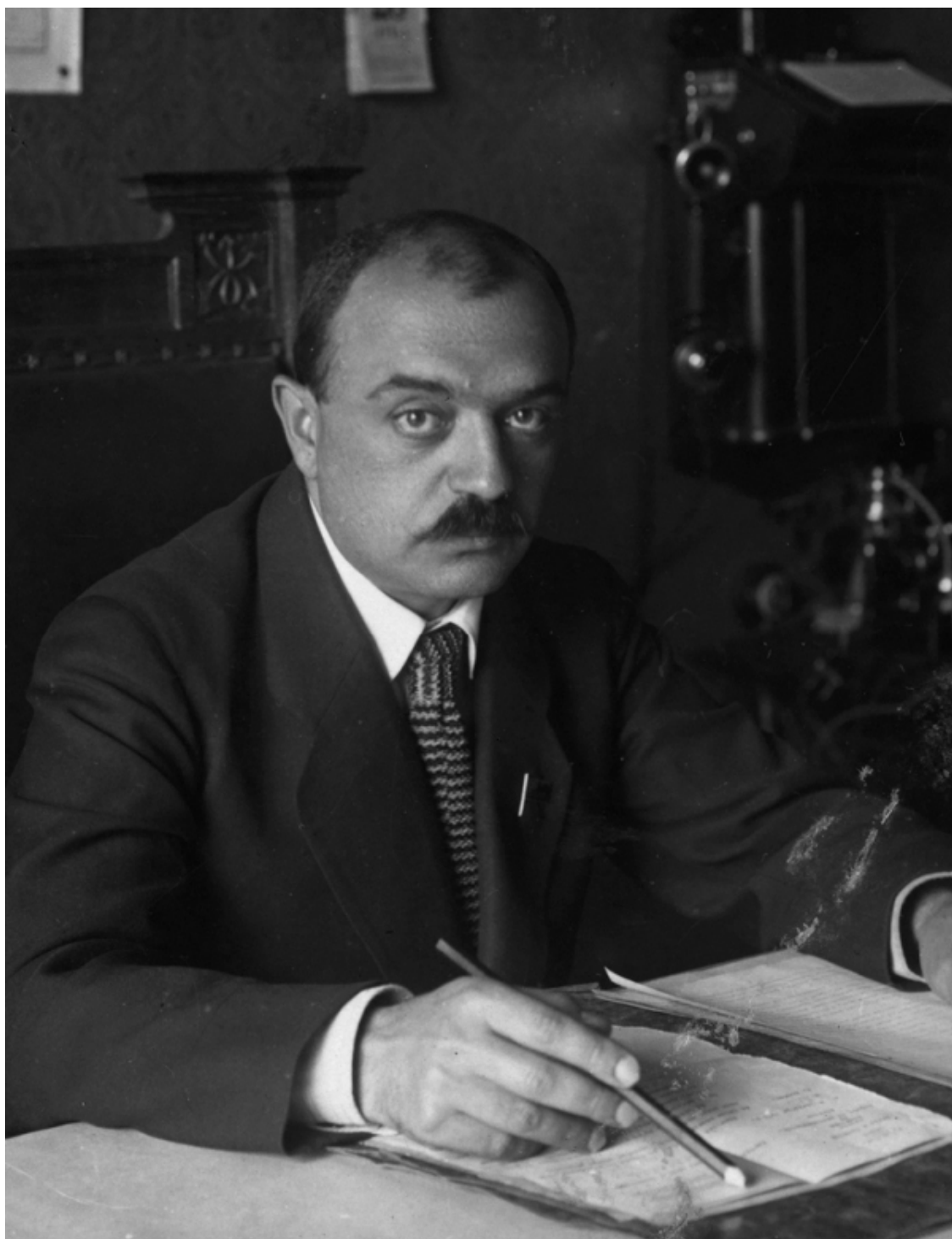
¹⁶ Бриан Аристид (1862–1932) – французский политический деятель Третьей республики, неоднократно премьер-министр Франции, министр иностранных дел, внутренних дел, юстиции и военный министр. Лауреат Нобелевской премии мира 1926 г. за заключение Локарнских соглашений, гарантировавших послевоенные границы в Западной Европе.

¹⁷ Беседовский Григорий Зиновьевич (1896–1963) – советский дипломат. С 1927 г. – советник посольства СССР во Франции. В 1929 г. бежал из советского посольства в Париже. В 1930 г. заочно осужден в СССР за растрату. Сотрудничал с эмигрантскими газетами, во время войны был участником французского Сопротивления. В эмиграции имел репутацию человека, склонного к мистификациям и фальсификациям. Автор мемуаров «На путях к термидору».

¹⁸ Гельфанд Лев Борисович (1900–1957(?)) – сотрудник Наркомата иностранных дел и агент советской разведки. С марта 1926 г. по январь 1930 г. работал в полномочном представительстве СССР во Франции, был срочно вызван в Москву после похищения генерала Кутепова в 1930 г. По возвращении в СССР занимал должность заместителя начальника англо-романского отделения НКВД. В 1933 г. командирован в Италию на работу в полпредстве СССР. В 1940 г. стал «невозвращенцем». Эмигрировал в США, где стал бизнесменом, сменив фамилию на Мур. Скончался в Нью-Йорке. По неподтвержденным сведениям, считается сыном А. Л. Парвуса (И. Л. Гельфанда), деятеля российского и германского социал-демократического движения.

дверь в стене сада, прямо напротив окон кухни квартиры Довгалеvского. Меня тут же охватило беспокойство: что будет с женой и сыном Беседовского? Вскоре я узнала, что беглец обратился к французским властям с просьбой предоставить ему убежище и предпринять необходимые шаги для воссоединения со своей семьей. Три дня спустя, в четвертом часу, французские полицейские явились на рю Гренель и вызволили мадам Беседовскую с сыном.

С этого момента мои глаза стали открываться. Я хотела, чтобы мне кто-нибудь объяснил, что сделал Беседовский, но сталкивалась только с каменными лицами и всеобщим молчанием. Казалось, будто кто-то отдал приказ, и никто не осмеливался делать даже малейшие намеки на эту историю. Сотрудники ГПУ, казалось, удвоили свою бдительность. Атмосфера на рю Гренель становилась невыносимой. В довершение всего несколькими неделями позже меня исключили из штата торгпредства, и я была вынуждена проводить все время в стенах полпредства. Однако, несмотря ни на что, я все еще любила мужа, ошибочно полагая, что, пока он поддерживает меня, со мной все будет в порядке. Более того, так как я не отказалась от французского гражданства после замужества, я была уверена: что бы со мной ни произошло, французское правительство меня защитит. Я ошибалась.

Валериан Довгалеvский. Национальная библиотека Норвегии

Григорий Беседовский после бегства из советского полпредства. Фото из журнала «Иллюстрированная Россия». Париж, 12 октября 1929

Но если в полпредстве не говорили о деле Беседовского, то в Кремле его, несомненно, должны были обсуждать. Так, однажды из Москвы пришел приказ немедленно отправить в СССР второго секретаря полпредства Гельфанда, начальника шифровального отдела Топашевского, первого секретаря консульства и нескольких сотрудников советского торгпредства, в том числе и Трефилова. Я категорически отказалась уезжать, не попрощавшись со своей семьей, и Валериан Довгалеvский разрешил отложить наш отъезд.

Я не разошлась с Алексеем, и это означало, что мне надо было смириться с мыслью о том, что, уезжая в Россию, я отправляюсь в ссылку. У меня не было серьезных причин порывать с

Трефиловым, если не считать его несколько странного характера, который мне так и не удалось до конца понять. Он был хорошим и внимательным спутником жизни. И потом я поклялась мэру следовать за своим мужем, а еще я помнила, что Алексей, прежде чем просить моей руки, предупредил меня о возможном переезде в СССР. Несмотря на смутное беспокойство, мне казалось, я не имею права отказаться от своих обязательств. Ах! Если бы Валериан Довгалевский или его жена, или Наталья проявили мужество и честно сказали, что меня ожидает, может быть, я поступила бы по-другому. Но эти люди слишком долго прожили в страхе и не могли довериться постороннему.

Наш сын Жорж вернулся из Оша от моей сестры, и это отвлекло меня от мрачных мыслей. Однако вскоре серьезные события вновь захватили наше внимание, не давая сосредоточиться на собственных проблемах. В январе 1930 года Париж внезапно взорвался от негодования в связи с похищением Кутепова¹⁹ – русского генерала в изгнании и издателя журнала для антисоветски настроенных соотечественников. В похищении подозревали сотрудников ГПУ из полпредства. Ходили слухи о том, что они убили Кутепова и сожгли его труп в котельной. Должна сказать, в то время на рю Гренель я не замечала ничего необычного, и если несчастного Кутепова туда действительно привезли, то это было сделано тайно.

¹⁹ Кутепов Александр Павлович (1881–1930) – генерал, участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции. В 1928–1930 гг. – председатель Русского общевоинского союза в Париже. Занимался подготовкой и засылкой диверсантов на территорию СССР и установлением контактов с представителями монархического подполья в Советском Союзе, которое было создано ОГПУ для борьбы с белой эмиграцией (операция «Трест»). В 1930 г. похищен в Париже агентами Иностранного отдела ОГПУ. Обстоятельства места и времени смерти неизвестны.

Андре Сенторенс с сестрой Жанной и маленьким Жоржем. Париж, 30 июня 1928. Из архива Жерара Посьелло

Наш отъезд в Москву был уже бесповоротно назначен на 25 февраля в 23.50, но 23 февраля полпреда предупредили о возможной манифестации перед входом в его резиденцию. Довгалевский приказал всем оставаться на своих местах и быть готовыми погасить свет к десяти часам вечера. Когда мы с сестрой ложились спать, мы полагали, что все обойдется, однако в два часа ночи нас разбудили крики манифестантов, раздававшиеся под окнами: «Советские убийцы – вон!» Выходя из квартиры, я столкнулась с Чишковым, сотрудником секретного отдела, приехавшим на смену Ершову, отозванному в Москву после бегства Беседовского.

Закрыв лицо руками, он издавал жалобные стоны или принимался жестикулировать как сумасшедший.

Напуганная этими манифестациями, смысл которых был ей непонятен, Жанна 24 февраля отправилась обратно в Ош. Опасаясь за нашего ребенка, она попросила у Алексея разрешение взять Жоржа с собой, но он отказал ей, заявив, что, пока он жив, его жена и сын не будут ни в чем нуждаться. Если он был искренен в тот момент, то только это его и оправдывает. Автомобиль должен был отвезти Жанну на Аустерлицкий вокзал. Целуя сестру на прощание, я не предполагала, что пройдет целых двадцать шесть лет – и каких лет! – прежде чем мы увидимся вновь.

День 25 февраля я полностью посвятила тому, чтобы в последний раз прогуляться по Парижу, но это была вовсе не прощальная прогулка – я верила, что скоро приеду во Францию в отпуск. Я сказала «до свидания», а не «прощай» всем, кого любила. С большим удовольствием мы с Алексеем прошли по магазинам, в которых он купил много вещей и продуктов, будто мы отправлялись в самое сердце Африки. Лишь он один понимал, насколько это важно...

Пока я прощалась с Довгалевским, перед входом в полпредство началась новая крупная демонстрация. Она продолжалась до восьми часов вечера, и, чтобы расчистить рю Гренель, потребовалось вмешательство пожарных. Валериан Довгалевский сказал, что очень огорчен тем, что подобные инциденты происходят накануне моего отъезда. Я уже знала, что в Москве сложности с квартирами, и обратилась к полпреду с просьбой гарантировать мне приличное проживание. Он выдал мне документ, подтверждавший, что я имею право на приемлемое жилье. Когда я уже собиралась уходить, Довгалевский взял мои руки в свои и взволнованно произнес: «Бедная вы моя...» Догадывалась ли я, что его излишняя скрытность обернется для меня тюрьмой... Если бы он узнал перед смертью, что со мной случилось, не сомневаюсь, что, как порядочный человек, он испытал бы угрызения совести. Но судьба распорядилась так, что я покидала полпредство в тот момент, когда на улице бушевала возмущенная толпа. На лицах стоявших рядом со мной русских застыло еще незнакомое мне тогда выражение, которое я позже буду часто замечать в России, – выражение страха. Опасаясь актов насилия со стороны парижан, никто из персонала полпредства не осмелился проводить меня до Северного вокзала. В 22.30 я вышла одна, с сыном на руках. Напуганный Алексей отправился на вокзал заранее, будучи уверенным, что там его в случае необходимости защитят.

Besedevski - qui se prenait la tête à deux mains en poussant des gémissements lugubres ou se mettait à gesticuler comme un ébrié.

Apeurée par ces manifestations auxquelles elle ne comprenait rien, Jeanne repartit pour Anoh dans la journée du 24. Craignant pour le bébé, elle avait demandé à Alexis de la laisser le remmener. Mon mari refusa, jurant à ma soeur que tant qu'il vivrait sa femme et son fils ne manqueraient de rien. Peut-être était-il sincère à ce moment-là ? Ce serait sa seule excuse. Lorsque j'embrassais Jeanne qu'une voiture allait emmener à la gare d'Ansterlitz, je ne me doutais pas que vingt-six années s'écouleraient - et quelles années ! - avant que nous puissions nous revoir.

Je profitai de la journée du 25 pour me promener une dernière fois dans Paris mais ce ne fut pas une promenade tellement mélancolique car j'étais convaincue que je reviendrais passer mes vacances en France. Je disais "au revoir" et non "adieu" à tout ce que j'aimais ou avais appris à aimer. Je m'amusai des innombrables achats auxquels se livrait Alexis, à croire que nous nous rendions au coeur de l'Afrique. Seulement lui, il savait...

Alors que je m'apprêtais à prendre congé de l'ambassadeur, une nouvelle et importante manifestation se déroula devant les portes de l'ambassade. Elle dura jusqu'à 20 heures et il fallut que les pompiers intervinssent pour dégager la rue de Grenelle. Valerian Dogalevski, qui me reçut à ce moment-là, me dit combien il était navré que de pareils incidents aient eu lieu juste avant mon départ. Comme j'avais appris qu'à Moscou il était difficile de se loger, j'avais prié l'ambassadeur de me garantir un hébergement décent. Il me remit un papier affirmant que j'avais droit à un logement convenable. Quand je fus sur le point de le quitter, M. Dovgalevski me prit les mains dans les siennes et me dit d'une voix émue :

- Ma pauvre petite...

Je ne pouvais pas deviner que ~~elle~~ ^{son état de désolation} allait faire de moi une bagnarde. Si jamais il a su, avant de mourir, ce qui m'

Страница рукописи книги А. Сенторенс, глава 2

Когда поезд тронулся, я почувствовала, как в моей груди образовалась пустота. Мне было двадцать три года. Когда я вернусь в Париж, мне будет уже пятьдесят.

3. Москва

26 февраля 1930 года, в три часа утра, я пересекла свою первую границу. С момента отъезда из Парижа мне не спалось: я испытывала беспокойство от мысли, что совершаю ошибку, покидая родину. Стук колес, казалось, доносил прерывистый голос, пытавшийся убедить и шептавший: «Не уезжай... Не уезжай... Не уезжай...» Я представляла себе, как с каждой минутой увеличивается расстояние, отделяющее меня от Парижа. Меня обуревали безумные идеи – например, резко вскочить и дернуть стоп-кран прежде, чем сонный Алексей сообразит, что происходит. Жорж спал у меня на коленях, и теперь я понимаю, что только этот теплый живой комочек помешал мне выйти на первой же станции. Это было глупо, но я думала, что не имею права лишить ребенка отца. Мне казалось, со временем сын будет мне благодарен за то, что я не разрушила нашу семью. В этом, как и во всем другом, я жестоко ошиблась. Согласившись на эту ссылку ради ребенка, я сделала первый шаг к тому, чтобы навсегда его потерять.

Из экономии Алексей купил билеты в вагон третьего класса. Это немного обидело меня: все-таки я считала себя сотрудницей советского правительственного ведомства. Но в купе, кроме нас, никого не было, и я могла удобно устроиться на полке, хотя заснуть мне так и не удалось.

Бельгийские таможенники и сопровождавшие их полицейские, проверив паспорта, сказали нам несколько любезных слов, но я никогда не забуду, каким взглядом посмотрел на меня один из них. В его глазах я увидела одновременно и сострадание, и суровость. Мне показалось, он сожалеет о том, что я уезжаю из Франции в Россию, и в то же время упрекает меня за предательство. Алексей же ничего не почувствовал. Будь я посмелее, я заговорила бы с этим бельгийцем, но что я тогда могла ему сказать?

На германской границе чиновники были предельно корректны и холодны. Очевидно, они ненавидели нас, но не выходили за рамки своих обязанностей. Один коммунист, очевидно, завидовавший тому, что мы едем в Россию, принес нам в вагон пива и отказался брать за него деньги. Он не говорил ни по-русски, ни по-французски, и мы вынуждены были ограничить нашу «беседу» улыбками и похлопываниями по плечам. По всему было видно, что он одобряет мое решение уехать в коммунистический рай...

Почти не помню, как мы проехали Германию. Я начала испытывать страшную усталость. Когда подошла очередь предъявить паспорта польским таможенникам и пограничникам, я решила, что уже нахожусь на территории СССР. Алексей с улыбкой разубедил меня. Польша мне запомнилась лишь большими серыми, частично заснеженными равнинами. Наконец я по-настоящему осознала, что нахожусь уже слишком далеко от Франции. Когда мы подъезжали к советской границе, Алексей оживился. Но мне показалось, его возбуждение не было вызвано радостью от возвращения домой. Сегодня я понимаю, что он немного опасался за свое будущее, ведь он и его коллеги из полпредства были отозваны обратно в СССР. Хотя большие чистки в России еще не начались, ошибок в то время уже почти не прощали.

На границе вагоны отцепили, их окружили солдаты, вооруженные винтовками с прикнутыми штыками. В такой компании мы и оказались на русской земле. Нас привели в деревянный барак, в центре которого стояла чугунная печь. Вдоль стен барака стояли лавки, мы с Алексеем сели на одну из них. С этого момента – 27 февраля 1930 года, два часа утра – дороги назад уже не было...

Русские пограничники, взглянув на мой паспорт, вели себя вполне любезно и стали смеяться, когда поняли, что я не понимаю ни слова по-русски. Они хотели потрепать Жоржа по голове, но малыш заверещал – он был голоден и замерз. Таможенники не стали открывать мой багаж, и я вернулась на свою лавку. Ко мне подошла скромно одетая пожилая женщина. На отличном французском она попросила меня помочь ей (мой багаж не досматривали) проне-

сти золотые часы и две бутылки одеколona. Воспользовавшись тем, что пассажиры образовали живой щит между нами и солдатами, женщина быстро засунула в мои вещи флаконы и драгоценности. Несмотря на гудящую печку, мы продрогли, а начавшаяся снежная метель законопатила все окна. Усталость лишь усилила чувство тревоги и вновь повергла меня в уныние. Я грубо оборвала своего мужа, когда он подошел спросить, все ли со мной в порядке. К его удивлению, я разрыдалась, когда он объявил, что нам предстоит ехать еще двадцать семь часов по железной дороге до Москвы.

Наш поезд тронулся в путь в четыре часа ночи. Если из Парижа мы ехали практически одни, то сейчас в наше купе набилась толпа мужчин и женщин, по большей части отвратительно одетых, а то и вовсе в лохмотьях. Ошеломленная, я подумала, что мы едем в компании нищих. Смутившись, Алексей пояснил, что это обычные советские сельские и городские жители.

Как только поезд останавливался на какой-нибудь станции, из него тут же вываливались пассажиры и, расталкивая друг друга, пытались проникнуть в привокзальный буфет, откуда они всякий раз возвращались с пустыми руками, за исключением случаев, когда мы останавливались в крупных городах. Там им удавалось раздобыть себе бутерброды из клейкого черного хлеба с ломтиками соленых огурцов или с тонким слоем варенья. Забившись в углы и плотно прижавшись друг к другу, мужчины, женщины и дети принимались тут же с жадностью поедать свою скудную пищу. Я чувствовала тошноту. Время от времени любопытные пассажиры заходили в наше купе, чтобы взглянуть на меня и Жоржа. Они задавали многочисленные вопросы Алексею, затем вновь принимались разглядывать меня, и почти на всех лицах я могла прочесть чувство жалости к нам. Я расплакалась: жалость со стороны этих несчастных казалась мне худшим из возможных предзнаменований. Муж попытался меня успокоить, но встретил отпор. Меня охватила ярость, и я заявила ему, что если такова его Россия, то я немедленно возвращаюсь во Францию. В тот момент Трефилов, должно быть, был рад, что я не говорю по-русски и никто вокруг нас не понимает французский.

Эта кошмарная поездка завершилась в одиннадцать часов утра понедельника – наш поезд прибыл в Москву.

На платформе нас встретили московские родственники Алексея – две тетки, Анна и Наташа, младшая сестра Дуня и младший брат Василий. Две женщины и молодой человек приняли нас очень радушно, и у меня стало теплее на душе. Только Дуня казалась безразличной и не проявляла никакого интереса даже к ребенку, над которым всюду кудахтали тетушки.

Ненадолго ко мне вернулся душевный покой, но я едва не потеряла сознание, увидев крошечную комнату Наташи. Одиннадцать квадратных метров – и здесь нам бог знает сколько времени предстояло жить вшестером, не считая Жоржа. Даже на самых бедных фермах в моих родных Ландах я не видела ничего подобного, никто у нас не осмелился бы разместить самую нищую семью батрака в подобной лачуге. Ночью Наташа, Анна, Дуня и Василий спали на полу, уступив нам кровать. Несмотря на усталость, я долго не могла заснуть от чувства стыда и отчаяния. Алексей, чувствуя мое состояние, попытался убедить меня, что скоро все наладится, но я повернулась к нему спиной, и он оставил меня в покое и мирно заснул. Он вновь «превратился» в русского, если вообще когда-нибудь хоть на секунду прекращал им быть.

Первое жилище супругов Трефиловых в Москве – Милютинский переулок, 10. 2020.
Фото Д. Белановского

Утром я узнала, что мы обитаем на третьем этаже в шестикомнатной квартире, где проживают двадцать человек. На всех приходилась одна кухня и один туалет. В общей кухне у каждой семьи был свой столик с примусом. Меня поразило, что во время приготовления еды не было слышно ни звука, кроме звона кастрюль. На кухне соседи не разговаривали друг с другом и на мои вопросы отвечали весьма уклончиво. Я тогда еще не знала, что молчание было одним из типичных признаков страха, царившего в этом пролетарском раю. Люди предпочитали молчать, чтобы на них не донесли.

Я по-настоящему душевно привязалась к Наташе Калистратовой, самой молодой из теток Алексея. Это была женщина лет сорока, блондинка. Наташа всегда относилась ко мне с большой нежностью. Когда она была рядом, я ощущала ее моральную поддержку. Наташа работала помощником библиотекаря в Московском торговом институте и получала двадцать пять рублей в месяц. Другая тетка, пятидесятилетняя Анна Ермакова, проявляла меньший интерес к моей персоне. Эта унылая уставшая женщина, похоже, уже никем не интересовалась. Всю свою жизнь она проработала кухаркой в зажиточных домах и, кажется, теперь с тоской вспоминала о прежних временах. Она, видимо, предпочла бы остаться «рабыней» богатых людей, как называл ее Алексей, нежели ценить подаренную ей свободу – свободу не есть, когда испытываешь голод, свободу не иметь угла, где можно побыть наедине с собой. Анна много работала, и именно на ней лежала обязанность вести хозяйство сестры и племянников. Кроме того, она заботилась о своем сыне Николае, который учился на инженера и вместе с женой-студенткой и двухлетним ребенком занимал восьмиметровую комнатку возле кухни. Время от времени, когда мы собирались за скудным обедом, тетя Аня уединялась в углу и погружалась в свои мысли – должно быть, вспоминала о том, в каких комнатах она жила у своих прежних хозяев. Меж тем как официальная пропаганда убеждала ее в том, что она счастлива.

Очередь за хлебом по карточкам. Москва, 1929. РГАКФД

Василий Трефилов, восемнадцатилетний брат мужа, внешне был похож на русских, которых я видела в кинофильмах. Это был полный молодой человек, весельчак и шутник, собиравшийся стать агрономом. Несдержанный по характеру, он не стеснялся говорить все, что думает о советской власти, и мой муж устраивал ему грандиозные скандалы, опасаясь, как бы кто-нибудь не подслушал, что говорит его младший брат. Между ними часто вспыхивали яростные споры, особенно когда Василий позволял себе говорить о том, что политика партии превратилась в тиранию и если так будет продолжаться, то нужно устраивать новую революцию. Для Алексея, убежденного коммуниста, подобные рассуждения были самым настоящим кощунством и приводили его в дикую ярость.

Дуня Трефилова была младшей из сестер Алексея. Ее мать умерла, когда ей было пять лет, и Дуню воспитывала тетя Наташа. Дуня пошла в школу в десять лет. Эта девушка была представителем нового поколения, не знавшего никакого другого строя, кроме советского.

Молчаливая, часто неуживчивая, она, по-видимому, относилась ко мне как к непрошеному гостю. Каждый раз, когда мы с мужем начинали спорить, Дуня принимала его сторону, и я неделями с ней не разговаривала.

Я, естественно, не была экипирована для московской зимы, и на следующий день после нашего приезда мне нужно было обязательно раздобыть пару галош. Но, чтобы купить их, требовалась карточка, которой у меня не было, и тетя Наташа отдала мне свою.

По сравнению с Парижем Москва показалась мне довольно невзрачным городом. По узким улицам вместо привычных такси ездили тряские извозчики – в этих экипажах нужно было крепко держаться, чтобы не выпасть наружу. Я сразу обратила внимание, что здешние люди вели себя чрезвычайно скованно, и оттого их лица приобретали еще более озабоченное и хмурое выражение. Позже я поняла, что такие лица у людей – от голода. Мне особенно запомнилась одна булочная, в которую выстроилась длинная очередь москвичей. Люди входили в магазин небольшими партиями и ждали, когда вынесут подносы с пирожками. Пирожки немедленно раскупали стоявшие в начале очереди. Впрочем, все эти магазины ничем не отли-

чались друг от друга: прилавки были пусты, и я спрашивала себя, почему люди так упорно требовали товар, который им не могли продать.

К счастью, Алексей предусмотрительно захватил с собой из Парижа много консервов. Этот запас помог нам продержаться первые дни, иначе я не знаю, чем бы мы питались. Вероятнее всего, ничем. Без банок сгущенки Жорж наверняка не выжил бы.

Что еще поражало в Москве, так это обилие церквей. Они были одна прекраснее другой, особенно когда лучи солнца сверкали на их позолоченных куполах. Все церкви независимо от времени дня были заполнены верующими. Я никогда ни в ком не видела такой набожности, как в русском народе в 1930 году.

На Алексее лежала не только обязанность обеспечить нас пропитанием – ему нужно было еще найти работу и добиться, чтобы нам дали квартиру, обещанную Довгалеvским перед нашим отъездом с рю Гренель. Однажды утром Алексей ушел, преисполненный надежды на помощь Министерства иностранных дел. Когда он вернулся, мы поняли по его лицу, что все пошло не так, как ожидалось. Мы засыпали его вопросами, и он признался, что ему устроили служебную проверку и отныне ни одно из его требований не удовлетворят, пока он не пройдет «промывку мозгов» и не докажет, что достоин продолжать службу в советских государственных органах. Из объяснений, которыми он нас удостоил, стало ясно, что «промывка мозгов» была чем-то вроде очень подробного допроса. Я узнала, что Гельфанд будет проходить через ту же процедуру одновременно с Трефиловым, и это меня немного успокоило. Я хорошо знала Гельфандов еще со времен работы в парижском полпредстве. Гельфанд, элегантный человек тридцати лет, был женат на богатой эстонке, дочери управляющего завода рыбных консервов в Риге. Его высокая красивая жена страдала близорукостью, отчего ее взгляд порой становился немного мечтательным. Их дочь Раймонда родилась во Франции. Сам факт вызова Гельфандов на беседу навел меня на мысль, что все это как-то связано с делом Беседовского.

В ожидании беседы Алексей становился все более и более нервным. Его стычки с Василием практически не прекращались, да и мы с ним спорили без конца. Жизнь становилась мучительной, и больше всего меня раздражало то, что я не могла понять: боялся муж этой «промывки мозгов» или, наоборот, хотел ее? Вероятно, и то и другое. Алексей хорошо знал, что если он не пройдет проверку, то не сможет найти работу. С другой стороны, он достаточно хорошо представлял себе нравы советских органов, чтобы понимать: если они заведомо решили, что он виновен, то его уже ничто не спасет. Трефилова вызвали на разговор только в апреле.

Отличие от того, что стало происходить потом, эти «промывки мозгов» не были секретными, на них мог присутствовать любой из членов семьи. Я решила пойти с Алексеем. Мы вошли в зал Министерства иностранных дел. На лестнице мы столкнулись с Гельфандами – казалось, они нервничали куда меньше, чем мой муж. В просторной приемной, куда нас провели, мы увидели длинный, покрытый красным сукном стол, на котором стоял поднос со стаканами и графином. За столом сидели четыре человека. На стенах висели портреты Ленина, Сталина, Маркса и Энгельса.

Гельфанда допрашивали первым. Из того, что мне нашепывал Алексей, я поняла, что Гельфанда обвиняли в сообщничестве с Беседовским, с которым тот был знаком. Если он был осведомлен о ночных похождениях военного атташе и его ссорах с женой, то почему не сообщил об этом полпреду? Значит, он разделял взгляды предателя? Гельфанд, будучи человеком умным и хитрым, быстро догадался, откуда ветер дует, и искусно выкрутился, поклявшись честью коммуниста, что никогда не подозревал Беседовского в намерениях бежать из полпредства. А что касается ночных пождений, то тогда считалось, что за этим стоит любовная интрижка. Гельфанд высмеял своих дознавателей, отметив, что ему всегда советовали не вмешиваться в супружеские споры своих соседей. Короче, с него сняли все подозрения и вскоре

назначили советским послом в Риме, откуда он больше не вернулся. А я так никогда и не узнала, постигла ли его там смерть или же он выбрал свободу.

Алексей еще больше побледнел и задрожал, когда подошла его очередь. На него немедленно посыпался град вопросов. Когда мы возвратились домой, муж рассказал, какие вопросы ему задавали и как он на них отвечал. Сначала его атаквали относительно моей персоны:

- Что за женщину вы привезли в СССР? Какова ее психология?
- Я привез в СССР пролетарку крестьянского происхождения.
- Чем вы занимались во время вашего пребывания во Франции?
- Я учил французский.
- Что думает французский рабочий класс о бегстве Беседовского и похищении Кутепова?
- Это достаточно деликатный вопрос. К сожалению, упомянутые вами события вызвали недовольство во французском обществе. Отказ России выплатить долги Франции только усугубил это недовольство. Однако не приходится сомневаться в том, что рабочий класс с энтузиазмом поддержит формирование первого пролетарского правительства.

Трефилову также задавали вопросы относительно его отношения к политике партии в целом и внутривластной ситуации в Советском Союзе. Но Алексей, отсутствовавший в России четыре года, почти ничего не знал о том, что произошло в стране за эти годы. Он ничего не знал, например, о первой пятилетке. Констатировав эти пробелы в знаниях и у других чиновников вроде Алексея, партийная дисциплинарная комиссия установила, что коммунисты, прожившие долгое время за границей, почти полностью оторвались от линии и политики партии. В результате было решено большинство из них испытать на деле, отправив в деревню для пропаганды коммунистических идей и особенно для понуждения крестьян вступать в колхозы.

Трефилову также задавали вопросы относительно его отношения к политике партии в целом и внутривластной ситуации в Советском Союзе. Но Алексей, отсутствовавший в России четыре года, почти ничего не знал о том, что произошло в стране за эти годы. Он ничего не знал, например, о первой пятилетке. Констатировав эти пробелы в знаниях и у других чиновников вроде Алексея, партийная дисциплинарная комиссия установила, что коммунисты, прожившие долгое время за границей, почти полностью оторвались от линии и политики партии. В результате было решено большинство из них испытать на деле, отправив в деревню для пропаганды коммунистических идей и особенно для понуждения крестьян вступать в колхозы.

Из-за меня, а также из-за опасений, что я захочу немедленно вернуться во Францию, Алексея не только не отправили в деревню, но еще и назначили на скромную должность в секретном архиве Наркомата иностранных дел. И жизнь в нашей комнате с ее теснотой и скованностью с каждым днем становилась все более тягостной.

Однако судьба распорядилась так, что в апреле 1930 года одна из моих французских подруг, мадам Айкубовка, накануне отъезда в Грецию с мужем-чиновником уступила нам свою комнату на улице Маркса и Энгельса, 10, на первом этаже жилого дома, бывшего когда-то гостиницей «Европейской». Мы воспряли духом. Разумеется, это была лишь одна комната, но два ее окна выходили в сад Коммунистической академии. Оттуда открывался восхитительный вид на храм Сердца Господня²⁰, в то время его как раз начали сносить, выполняя одно из постановлений первого пятилетнего плана. На освободившемся месте должны были построить Дворец Советов. В сорока квартирах нашего дома проживало около трехсот человек. На каждом этаже располагались два туалета и одна общая кухня. Центральное отопление и водоснабжение работали только в последних комнатах. Бывшая гостиница «Европейская» была закреплена за работниками Наркомата иностранных дел и ГПУ.

Спустя несколько дней после нашего переезда, гуляя с Жоржем, я увидела большую толпу людей, собравшихся на какую-то торжественную похоронную процессию. В последний путь покойника сопровождала музыка. Хотя я не очень разбираю русские слова, мне все же удалось понять, кем был покойник, которого с такой помпой несли на Красную площадь. Одна женщина, говорившая по-французски, поняв, что я иностранка, сказала, что хоронят Надежду Васильевну Аллилуеву²¹, вторую жену Сталина. Эта доброжелательная русская женщина объ-

²⁰ Имеется в виду храм Христа Спасителя, снесенный по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в 1931 г. Храм был восстановлен и открыт 31 декабря 1999 г. Улица Маркса и Энгельса – Малый Знаменский переулок. Коммунистическая академия – Институт философии РАН.

²¹ Аллилуева Надежда Сергеевна (1901–1932) – вторая жена И. В. Сталина. Родилась в семье рабочего-революционера С. Я. Аллилуева. По свидетельствам очевидцев, 7 ноября 1932 г. между Аллилуевой и Сталиным произошла ссора. В ночь с

яснила мне, что происходит, и не стала скрывать, о чем думает она сама и остальные. Хозяин СССР убил свою вторую жену, с которой познакомился в Тифлисе еще до первого брака с Екатериной Сванидзе²². С момента приезда в СССР я начала испытывать страх, и то, что я сейчас услышала, ужаснуло меня еще больше. Кто же такой Сталин и как он мог избавиться от матери собственных детей?

Тщетно я расспрашивала членов своей семьи о Надежде Васильевне Аллилуевой – никто мне так и не ответил. Они делали вид, что ничего не знают, а Алексей, по своему обыкновению, призывал всех к осторожности. Однажды днем, когда мы с Наташей остались одни, она поведала мне, что Надежда Васильевна Аллилуева пыталась быть яркой коммунисткой, подобно своему отцу Аллилуеву, железнодорожному рабочему из Петербурга, но так и осталась верующей и набожной. Она восстала против своего мужа, потому что его первый пятилетний план предусматривал борьбу с христианством в России путем сноса церквей, высылки священников, монахов и верующих. Надежда Аллилуева была против коллективизации и раскулачивания. По мнению Наташи и ее соотечественников, Надежда заплатила жизнью за свою приверженность вере, которую исповедовала с детства, и за свою любовь к крестьянам.

Тем временем другое событие отвлекло меня от грустных размышлений о Надежде Васильевне Аллилуевой. Однажды утром по Москве поползли слухи о самоубийстве Маяковского. Я вспомнила его выступление в нашем полпредстве в Париже. Он был чрезвычайно популярен, и многие русские декламировали поэму о советском паспорте, написанную им во время поездки в Америку. В этих стихах Маяковский гордился тем, что был гражданином Советского Союза.

Рассказывали, что после возвращения на родину он был совершенно подавлен произошедшими в России переменами и заявлял о том, что политика Сталина вызывает ненависть к СССР за границы. Оказавшись неспособным творить в атмосфере доноительства и политических репрессий, поэт наложил на себя руки, сказав друзьям: «Мне проще умереть, чем жить»²³.

15 мая 1930 года меня вызвали в московское отделение милиции и сообщили, что по решению Верховного Совета я признана советской гражданкой и теперь могу получить паспорт (в СССР этот документ заменяет удостоверение личности)²⁴. Не могу сказать, что меня особенно обрадовало это известие. Разумеется, это узаконивало мое положение, и я становилась менее зависимой от своего мужа, так как теперь могла получать продуктовые карточки. Однако, выходя из участка, я чувствовала, что этот паспорт и эта натурализация создадут мне когда-нибудь серьезные препятствия к возвращению во Францию. Я стала понимать мышление людей, от которых отныне зависела. Алексей и его семья поздравили меня с советским гражданством, но, как ни старалась, мне не удалось выразить чувство радости по этому поводу – я его не испытывала. Вдобавок ко всему наши отношения с Алексеем начали серьезно ухудшаться. Он уже был совершенно не похож на того услужливого человека, каким я его знала в Париже. Полностью слившись со своей страной, он стал тем, кем, собственно, никогда и не переставал быть: фанатиком-коммунистом. Решения Верховного Совета были для него божественными указаниями, требующими беспрекословного подчинения. Я уже упоминала в

8 на 9 ноября Н. С. Аллилуева застрелилась. В народе ходили слухи, что она погибла от рук Сталина, однако причастность Сталина к гибели жены не доказана.

²² Сванидзе Екатерина Семеновна (1885–1907) – первая жена И. В. Сталина, мать его старшего сына Якова. Умерла после тяжелой болезни.

²³ Приблизительная передача смысла двух последних строк предсмертного стихотворения поэта Сергея Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...», которое автор приписывает Маяковскому: «В этой жизни умирать не ново, но и жить, конечно, не новей». В. В. Маяковский покончил с собой 14 апреля 1930 г.

²⁴ Паспортная система в СССР была введена в 1932 году. Либо автор путает дату, либо речь идет о временном удостоверении личности. Советское гражданство предоставлялось иностранцам решением Центрального или местного исполнительного комитета.

начале этой книги, что у меня тяжелый характер и что я не склонна сдерживаться. Я не собиралась безропотно подчиняться ни Верховному Совету, ни своему мужу. Я хотела самостоятельно разбираться во всем и высказывать собственное мнение – а именно к этому советская власть относилась как к преступлению.

que je n'éprouvais pas. D'ailleurs, ^{les} ~~nos~~ relations entre Alexis et moi commençaient à se détériorer sérieusement. Il ne ressemblait plus du tout à l'homme empressé qu'il avait su être à Paris. Tout entier repris par son pays, il se montrait ce qu'il n'avait dû jamais cesser d'être, un vieux communiste fanatique pour qui toutes les décisions du Conseil Suprême étaient des décrets divins et qu'il fallait respecter comme tels. J'ai déjà souligné au début de ce livre que j'ai mauvais caractère et que je suis peu encline à me soumettre. Je n'entendais pas obéir sans murmurer, pas plus au Conseil Suprême qu'à mon mari. Je voulais comprendre, je voulais avoir une opinion, deux dispositions d'esprit que les dirigeants soviétiques considéraient comme des crimes dignes de tous les châtiments.

Voici, à titre d'exemple, ce à quoi donnait droit la carte d'alimentation à Moscou en 1930 :

400 grammes de pain par jour
 400 grammes de gruau par jour
 200 grammes de viande par semaine
 400 grammes de sucre par mois

200 grammes de matière grasse par mois.

Autrement dit, on était quotidiennement voué à la bouillie de gruau et, tous les jours on se levait et on se couchait avec la faim au ventre. Mais pour bien montrer sans doute que les produits de consommation ne faisaient pas défaut, le gouvernement ouvrait d'immenses magasins où l'on pouvait trouver tout ce qui se mange. Seulement, ^{personne} ~~personne~~ ne pouvait y acheter quoi que ce soit car ^{personne} ~~on~~ n'avait d'argent, du moins parmi ceux qui travaillaient. Aussi, ces magnifiques établissements étaient-ils généralement déserts. De même, les coopératives appartenaient à l'Etat et il ~~x~~ fallait faire la queue pendant des heures et des heures pour obtenir ce à quoi votre carte vous donnait droit. Le plus souvent - à moins d'avoir passé la nuit devant la porte - quand votre tour arrivait, les stocks étaient épuisés. Lorsqu'on pense qu'à cette époque, un ouvrier spécialisé ne gagnait pas

Страница рукописи книги А. Сенторенс, глава 3

Вот, к примеру, что в 1930 году можно было приобрести в Москве по карточкам:

400 г хлеба в день;
400 г крупы в день;
300 г мяса в неделю;
400 г сахара в месяц;
200 г жиров в месяц.

Иными словами, человек был обречен на то, чтобы ежедневно есть кашу и каждый день вставать и ложиться с пустым желудком. Вероятно, для того чтобы продемонстрировать отсутствие дефицита продуктов, советское руководство открыло громадные магазины, где можно было найти все, что душе угодно. Только там нельзя было ничего купить, ведь ни у кого не было денег, по крайней мере у работающих людей. Поэтому эти великолепные заведения, как правило, пустовали.

Кооперативы были государственными, и нужно было выстоять многочасовую очередь, чтобы приобрести товары по карточкам. Чаще всего, когда после ночи, проведенной перед дверьми магазина, подходила твоя очередь, прилавки были уже опустошены. Квалифицированный рабочий получал не больше двухсот – двухсот двадцати пяти рублей в месяц, а жалование моего мужа, служащего, составляло только сто пятьдесят рублей. Из этой суммы ему надо было еще платить партийные и профсоюзные взносы, а также подписываться на разного рода облигации²⁵. При этом цены в государственных магазинах были следующими:

сливочное масло – 100 руб. за кг;
ветчина – 100 руб. за кг;
колбаса – 50 руб. за кг;
макароны – 15 руб. за кг;
яблоки – 100 руб. за кг;
сыр – 75 руб. за кг;
сахар – 30 руб. за кг;
конфеты – 200 руб. за кг.

Голод приобретал характер эпидемии. В июле 1930 года он достиг такого масштаба, что Алексей решил отправить меня с Жоржем к своему отцу в Каширу, что в ста километрах от Москвы: там у Трефиловых было хозяйство. Я отнеслась к этой идее с большим воодушевлением, так как проводила все дни в тщетных попытках раздобыть хоть какую-нибудь еду. Незнание русского языка еще больше усложняло мою задачу: я не могла объяснить работникам кооперативов, что мне нужно. Я очень боялась, что сын будет страдать от недоедания.

²⁵ В данном контексте речь идет об облигациях государственного займа – долговых государственных ценных бумагах, дающих право их держателю на получение дохода в виде выигрыша или процента от номинальной стоимости. В Советском Союзе выпуск облигаций являлся одним из источников пополнения государственного бюджета на различные цели (экономические, военные и т. д.) за счет населения, фактически став одной из разновидностей подушного налога. С 1930 по 1957 г. подписка на облигации носила принудительный характер, причем государство постоянно меняло, вплоть до заморозки, сроки выплат и уменьшало доходность по ним. Часть старых советских облигаций начали погашать в начале 1970-х гг., однако многие владельцы уже к этому времени либо избавились от них как не имеющих ценности, либо не дожили до получения выплат.

4. Странствия

Мои свекор и свекровь проживали в Кашире, в районе Домнинки, в достаточно большом хозяйстве, доставшемся им по наследству. У них было три рабочие лошади, две коровы, пятнадцать баранов и двадцать кур. Ютась в тесной избе, Трефиловы жили продукцией своего хозяйства.

Свекор Иван Трефилов был крепким человеком шестидесяти лет, рано овдовевшим, делившим дом с двадцатилетним сыном Борисом, несовершеннолетней дочерью Марией и отцом, которому перевалило за восемьдесят. В Кашире Трефиловы считались зажиточными крестьянами, и, если бы не помощь Алексея, их бы давно признали кулаками. По определению Шеболдаева²⁶ (расстрелянного в 1930-х), кулаком считался крестьянин, отказавшийся продавать свое зерно государству. Если Трефиловы ничего не продавали, то только потому, что им нечего было продавать, а доходов от собственного хозяйства еле хватало на то, чтобы выжить. Им, должно быть, оказывали особую протекцию, так как они смогли избежать массовых репрессий 1927–1930 годов, организованных Сталиным в соответствии с принципом: «Надо крепко опираться на деревенскую бедноту и договориться с середняками для уничтожения кулаков как социального класса». Когда я приехала в Каширу, свекор рассказал мне по секрету об уничтожении не менее трех миллионов крестьян. Не знаю, была ли эта цифра точной, но Алексей, всегда гордившийся политикой коммунистического руководства, признался мне однажды, что в 1928 году колхозные угодья насчитывали 1 400 000 гектаров, а к 1930 году эту цифру надеялись довести до 30 миллионов гектаров. Методы, с помощью которых они собирались достичь этих показателей, не вызывали у моего мужа практически никакого беспокойства.

В Кашире я провела несколько безмятежных месяцев. Тишина полей помогла мне отвлечься от московской суеты. Жорж пил парное молоко и рос как на дрожжах. Мои родственники показались мне чрезвычайно порядочными людьми. Новый режим еще не успел их испортить, но они, как и все знакомые русские со скромным достатком, похоже, не интересовались ничем, кроме своих семейных дел. От их пассивности у меня, уроженки департамента Ланды, закипала кровь. Они соглашались со всем, даже не думая протестовать, и предпочитали лишь жаловаться. Старики с ностальгией вспоминали царские времена, а старухи молили о помощи Казанскую икону Божией Матери.

Мне уже несколько наскучило жить в Кашире – плохо понимая русский язык и не имея возможности произносить элементарные фразы, я была обречена практически на постоянное одиночество, – хотя, стоило мне подумать о женщинах, стоящих в очередях на московских улицах в надежде раздобыть себе немного еды, как скука рассеивалась. Так прошла зима 1930–1931 годов. Я в последний раз наслаждалась покоем – потом мне уже никогда не доведется его испытать. Когда мы желали друг другу счастливого Рождества, я и представить не могла, что никогда больше не увижу ни этот край, ни Ивана, ни Бориса, ни Марию Трефилову...

Вспоминая свое деревенское детство среди крестьян, работавших в поле не разгибая спины, я с удовольствием предлагала помощь родственникам мужа, чтобы показать им, что француженка тоже умеет обращаться с вилами и граблями. Они, со своей стороны, были рады тому, что я умею доить коров, и считали, что Алексей поступил правильно, отправив меня к ним. Они намекнули мне, что хотели бы, чтобы мы с Жоржем остались у них жить. Весна в Рос-

²⁶ Шеболдаев Борис Петрович (1895–1937). В 1928–1931 гг. – первый секретарь Нижне-Волжского крайкома ВКП(б). В 1934–1937 гг. – первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). С января 1937 г. – первый секретарь Курского обкома ВКП(б). Арестован в июне 1937 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. Расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

сии, пожалуй, еще более упоительна, чем где-либо еще, ведь зима здесь настолько сурова, что при первых погожих деньках испытываешь чувство радости, незнакомое моим соотечественникам. Необъятные зеленые пространства вокруг Каширы обладали каким-то удивительным умиротворяющим свойством. Я пребывала в сладостном оцепенении, когда однажды, погожим утром мая 1931 года, появился Алексей. А с моим мужем и Москва напомнила о себе. Несколько удивившись тому, что он взял отпуск в это время года, я предположила, что ему на работе дали разрешение приехать за мной. Я уже приготовилась поставить жесткие условия нашему возвращению, когда Трефилов сообщил мне, что находится в Кашире с официальным заданием.

Я уже писала выше, что советские чиновники, возвращавшиеся из-за границы, считались неблагонадежными вследствие их политического невежества, неадаптированности к советскому образу жизни и жизни в деревнях, где им предстояло заниматься пропагандистской работой. Именно с этой целью Алексея и направили в Каширу. На него возложили ответственность за организацию колхоза. Мой муж считал, что ему сделали особое одолжение, поручив идеологическую работу в деревне. Я так не думала, но всячески воздерживалась от того, чтобы высказывать свое мнение.

Узнав о том, что Алексей собирается делать в Кашире, его семья отнеслась к этому без малейшего энтузиазма; начались ожесточенные споры, перессорившие моего мужа с отцом и братом. По привычке Алексей впадал в ярость, его не только выводила из себя невосприимчивость близких родственников к новым идеям, но он еще опасался провалить свою работу, что могло окончательно скомпрометировать его в глазах партии, особенно если станет известно, что его родные являются яркими противниками этих идей.

В помещении школы было устроено собрание. Будущие члены колхозного руководства, назначенные заранее, единогласно выбрали председателя правления, которое также было сформировано до начала собрания. Пришедшие на собрание крестьяне не слишком понимали, что происходит, но из страха голосовали «за» каждый раз, когда от них требовалось высказать свое мнение. То, что Иван, Борис или Петр назначались на ту или иную должность, крестьянам было абсолютно все равно – лишь бы их оставили в покое. Они еще не догадывались, что Иван, Борис и Петр избирались именно для того, чтобы лишить их покоя.

Председательствовал на собрании Алексей. В своем выступлении, составленном особым отделом ЦК Коммунистической партии (текст требовалось выучить наизусть), он перечислил преимущества колхозного строя: минимальные расходы, сокращенный рабочий день, более справедливое распределение прибыли, общественная собственность на средства производства, возможность приобретать материалы, которые в Кашире частным образом купить было нельзя и т. д. Присутствующие на это никак не реагировали – для них было совершенно очевидно, что им предстоит передать свое имущество в колхоз, где они уже будут не хозяевами, а исполнителями приказов главного агронома. Для большей части этих мелких собственников подобная перспектива означала лишение каких бы то ни было прав, поскольку из хозяев они превращались в сельскохозяйственных рабочих. Еще они знали, что получаемые доходы будут делиться между государством и крестьянами в соответствии с отработанными трудоднями. Председатель колхоза, главный агроном и счетовод должны были также изыскивать свои оклады из доходов колхоза.

Моего ограниченного словарного запаса (к тому же Алексей накануне растолковал мне суть своего выступления) оказалось достаточно, чтобы понять что к чему и теперь следить за реакцией людей, внимательно слушавших его в переполненном помещении. Я ощущала, как напряженно они пытаются представить свое будущее. Меня поразило контраст между выражением лица Алексея и его отца. Эти два человека представляли не только два разных поколения, но два мира, два несовместимых образа жизни, одному из которых предстояло проиграть. К сожалению, ни у кого не было никаких иллюзий относительно исхода битвы. Не говоря ни

слова, не выражая ни одобрения, ни протеста, крестьяне один за другим поднимались и выходили из зала с поникшими головами. Когда мы возвращались домой, я больше не могла скрывать от мужа своего возмущения. Меня изумляло то, как он лгал этим бедолагам – односельчанам, знакомым ему с детства, – убеждая в том, что им будет лучше без собственного имущества и они будут счастливы, работая бесплатно на государство. Но, как обычно, Алексей уклонился от дискуссии, ограничившись ответом:

– Замолчи! Тебя это не касается! И вообще, это должно быть именно так, а не иначе.

В очередной раз я поняла, что человек, чью фамилию я носила, отказался от своего собственного мнения. Каковы бы ни были приказы, распоряжения, декреты и решения партии, Алексей беспрекословно исполнял их, ничуть не сомневаясь в необходимости слепо повиноваться, что было для него так же естественно, как дышать или есть. Вся эта история с колхозом увеличила пропасть между мной и мужем настолько, что ее уже невозможно было преодолеть.

Сразу после собрания в Кашире был организован колхоз. Крестьян, не пожелавших в него вступать, стали нещадно облагать налогами, так что в итоге перед ними встал выбор: либо уступить, либо умереть от голода. Трефиловы первыми записались в колхоз: присутствие Алексея и страх перед властями сделали свое дело. У них забрали все имущество, и вскоре их лучший конь по кличке Як сдох от недоедания.

Понятно, что при таких обстоятельствах Кашира потеряла для меня всякую привлекательность. В моральном смысле она стала более несчастной, чем Москва, и голодали здесь почти так же, как в столице. Стоило появиться Алексею в Кашире, как все в ней пришло в упадок. Я была близка к тому, чтобы возненавидеть мужа так же, как я ненавидела партию, которая сделала его своим рабом и умела править лишь при помощи нищеты и преступлений.

В октябре мы вернулись в Москву.

В то время руководство страны, испытывая большой дефицит в иностранной валюте, вновь открыло магазины, где продавалось все что угодно, но за золото, драгоценные камни, бижутерию, дорогие меха²⁷. Так образовался гигантский рынок, управляемый и контролируемый государством. Чтобы купить еду, москвичи распродавали последнее, что им удалось сохранить. Это продолжалось до 1935 года. У дверей таких магазинов можно было увидеть, как взрослые люди и старики плакали от стыда, продавая семейные реликвии ради возможности купить сахар, мясо или чай. Некоторые, не выдержав, уходили, когда наступала очередь предъявлять то, что они принесли с собой на продажу, но неизбежно возвращались, не в силах сопротивляться постоянному чувству голода.

Несмотря на нормирование продуктов, которое ужесточалось с каждым днем, снабжение Москвы продовольствием становилось все хуже и хуже. До отъезда в Каширу я постоянно боялась, что не смогу прокормить сына²⁸. Правительство распустило слух, что дефицит продовольствия вызван не ошибками и нерадивостью чиновников, а отсутствием гражданской сознательности крестьян, прятавших зерно вместо того, чтобы отдать его официальным сборщикам. Поэтому было решено, что члены партии, при поддержке ГПУ, будут проводить обыски в избах. Разумеется, Трефилова назначили в одну из этих банд. Он уехал в феврале 1932 года, а

²⁷ В январе 1931 г. в СССР было создано Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами (Торгсин) для выкачивания денежных средств населения на реализацию программы индустриализации в Советском Союзе. В магазинах Торгсина иностранцы, а в большинстве своем советские граждане, за валюту и «валютные ценности» (драгметаллы, антиквариат) могли приобрести дефицитные продукты питания и потребительские товары по неравноценному обменному курсу. В 1936 г. Торгсин был ликвидирован.

²⁸ В 1932–1933 гг. в СССР царил массовый голод, вызванный ускоренной индустриализацией страны. Для развития промышленности требовалась валюта, и одним из ее источников стал зерновой экспорт. С этой целью для крестьянских хозяйств и колхозов устанавливались невыполнимые нормы по хлебосдаче, что в конечном итоге привело к полному отсутствию запасов зерна на селе и массовому голоду. Жертвами голода 1932–1933 гг., по подсчетам историков, стало не менее 7 млн человек.

отказалась ехать с ним. С меня было достаточно, я испытывала лишь одно желание – вернуться во Францию с моим сыном.

Очередь перед открытием Торгсина. Москва, 1932. РГАКФД

Никогда не забуду, какое плачевное зрелище представляли собой одетые в рубище крестьяне – крестьяне, которые якобы прятали у себя продовольствие! – они просили милостыню на московских улицах, потому что не имели права получать еду по карточкам. Они приносили с собой тщательно припрятанное яйцо или стакан молока и пытались обменять их на хлеб. Порой мне случалось соглашаться на этот обмен ради удовольствия выпить немного молока или съесть яйцо.

Алексей вернулся в апреле довольный собой и своей партийной работой. У меня уже не было сил ссориться с ним – я понимала, что это совершенно бессмысленно. Я просто объявила ему о своем желании развестись и вернуться на родину с Жоржем. Мой муж не был вспыльчивым человеком, а может быть, многолетняя жесткая партийная дисциплина сделала его более покладистым. Он лишь пожал плечами и произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.